

ТЕОДОР ГЛАДКОВ

КЛЯТВА У ЗНАМЕНИ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ТЕОДОР ГЛАДКОВ

КЛЯТВА У ЗНАМЕНИ

Москва · Издательство политической литературы · 1978

Гладков Т. К.

Г52   Клятва у знамени.   М., Политиздат, 1978.
127 с. (Герои Советской Родины).

Легендой вошло в историю революционных событий на фронте и первого года гражданской войны имя Василия Киквидзе — основателя и начальника прославленной во многих сражениях 1-й дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии внеочередного формирования, впоследствии 16-й Ульяновской имени Киквидзе. Ему было всего двадцать три года, когда погиб он на Южном фронте от тринадцатой по счету вражеской пули, полученной им в жестоких боях за Советскую власть.

Автор документальной повести о героическом подвиге — писатель Т. К. Гладков — не впервые обращается к теме гражданской войны. В частности, он осуществил в 1960 году литературную запись воспоминаний одного из соратников героя, К. Еремина. — «Солдатские версты».

Г $\frac{10604-221}{079(02)-78}$ 218—78

9(С)22

В тюремной камере

Нехотя, с натужным скрипом приоткрылась тяжелая, кованная железом дверь. Конвойный унтер с невыразительным бабьим лицом, одетый в мятую, засаленную на животе гимнастерку, на которой тускло поблескивала одинокая медаль в честь трехсотлетия дома Романовых на грязной оранжевой ленточке, втолкнул в сумрачную полутьму еще одного арестанта.

Новенький — кряжистый солдат без ремня — неуверенно топтался у порога, словно пытаюсь сообразить, куда он попал и как быть дальше.

Когда глаза привыкли к сумеркам, он увидел, что стоит в небольшой камере с высоким сводчатым потолком. Стены нештукатуренные — голый, побуревший от времени и сырости кирпич. Окно почти под потолком, тоже глубоко утопленным в стену полу-сводом, с толстыми решетками по обе стороны давно немытого, еле пропускающего солнечный свет стекла.

— Здравствуйте, — произнес новенький и опустил к ногам свой тощий мешок с жалкими солдатскими пожитками, оставленными ему милостиво в недолгое пользование.

Никто не ответил. И в этом молчании солдат уловил какую-то смутную враждебность.

В камере на низких нарах сидело человек восемь, русские и грузины. Все заросшие многодневной ще-

тиной и, судя по характерному нездоровому блеску в глазах, давно не видевшие хорошей, сытной пищи.

— Здравствуйте,— неуверенно повторил новенький.

Снова молчание, и вдруг чей-то выкрик:

— Убийца! Почему к нам посадили убийцу? Вон его!

Сразу зашумела, заволновалась камера.

— Мквлели! Убийца! — слышалось по-грузински и по-русски.

— Да замолчите вы! Гачумдит!

Все примолкли. На середину камеры шагнул человек, чей властный голос оборвал гвалт. Это был рослый грузин — совсем еще молодой, большеносый и большеглазый, голова его, видно, недавно была острижена наголо, но теперь волосы уже отросли и торчали густой жесткой щеткой. В плечах он был почти так же широк, как новый арестант, но талия словно осиная. Лицо у грузина заросшее, из-за этого невероятного орлиного носа диковатое, но глаза — тут уж никого не обманешь — веселые и добрые.

— Ты убийца? Отвечай!

— Убил, это точно... Только не убийца я.

— Как так? — удивился грузин. — Убил, а не убийца?

Солдат молчал. Ничего ему не хотелось говорить.

— Ты слушай меня,— строго сказал носатый, должно быть староста камеры.— Тут сидят политические. Преступники государственные. Уголовных к нам не подсаживают. И тут вдруг разговаривают, что сюда прислали убийцу. Мы протестовать будем. Понятно тебе?

Новенький хмыкнул:

— Все понятно, чего уж тут не понять. Политические — одно дело, уголовные — другое...

— Так ты кто?

— Одним словом не ответишь.

Староста засмеялся:

— А мы не спешим... Можешь сто слов сказать, если хочешь.

Солдат еще раз хмыкнул и тоже улыбнулся. Его светлые до прозрачной голубизны глаза от этого стали еще светлее. Потом вздохнул, провел жесткой ладонью по мягким льняным волосам и начал свою невеселую историю.

Зовут его Иваном. Родом из крестьян Самарской губернии. Еще две недели назад он был саперным унтер-офицером и полным георгиевским кавалером. В декабре 1916 года при подрыве моста его контузило. Отлежался и после выздоровления попал сюда, на Кавказ, в запасной полк. Здесь-то и случилась с ним беда. Ротный им достался — зверь и пьяница. Фронта и близко не нюхал, всю войну ошивался в кутаисских и тифлисских кабаках.

У Ивана был в роте товарищ по фронту, младший унтер-офицер Грошев, имел два Георгия. И ранен тоже дважды. Уже пожилой, слабого здоровья человек. Невзлюбил его почему-то ротный, стал издеваться. Однажды при солдатах избил Грошева, стеклом по лицу до крови бил... Заслуженного фронтовика и кавалера! Он, Иван, такого стерпеть не мог, ахнул его благородие кулаком в висок. Тот сник, да так и не поднялся. Был суд за убийство офицера, приговорили к смертной казни. Однако как полного георгиевского кавалера помиловали, заменили казнь каторжными работами.

Слушали Ивана внимательно, вначале недоверчиво, а к концу рассказа с нескрываемым сочувствием. Грузин-староста положил на плечо тяжелую лапшу.

— Извини, кацо... Ошибка произошла. Какой ты убийца... Давай знакомиться. Меня зовут Василий Киквидзе, называй Васо. Ладно?

Они быстро прониклись взаимной симпатией и доверием — эти два столь разительно несхожих человека. Но было у них и общее — над обоими висели смертные приговоры, хоть и за разные «преступления».

В один из длинных тюремных вечеров Киквидзе рассказал (он единственный из всех заключенных-грузин свободно владел русским языком) о себе.

...Васо Киквидзе родился в Кутаисе 28 февраля 1895 года, но раннее детство провел в Тифлисе. Семья у них была большая, а заработок у отца-повара маленький. Мать — Антиофа Виссарионовна — была дочерью кузнеца. Отец Васо — Исидор Михайлович Киквидзе — умер, когда мальчику исполнилось шесть лет. Тогда Антиофа переехала из Тифлиса к своему отцу — Виссариону Рухадзе — в селение Хони, неподалеку от Кутаиса.

Дед Виссарион был человек небогатый, но честолобивый. Честолюбие проявилось в том, что решил он хоть из кожи вылезти, но дать внуку образование. И определил его в Кутаисскую классическую гимназию.

... Кутаис, где предстояло теперь жить и учиться Васо Киквидзе, тогда, в начале века, был провинциальным городком на окраине Российской империи. Тем не менее, будучи центром всей Западной Грузии, он обладал рангом города губернского. А посему были в нем и губернатор, и губернский предводитель дворянства, и губернские присутственные места, и гимназии. Поскольку присутственных мест в

городе наличествовало несоразмерно много, то едва ли не половину его населения составляли чиновники. Еще было множество офицеров, поскольку в Кутаисе постоянно квартировало четыре армейских полка.

Через весь город протекала, держа свой путь с ледников Главного Кавказского хребта к Черному морю, река Риони, неширокая, но полноводная и бурная. По утрам к ее берегам, громяхая бочками и беспрерывно понукая тощих лошадей, спускались тулухчи — водовозы. Вода в Риони мутная. Прежде чем пить, обывателям приходилось отстаивать ее на квасцах.

Климат в Кутаисе благодатный. Тепла и влаги предостаточно, потому город утопает в зелени, цветы до самого рождества. Зелень дает прохладу в летний зной, круглый год улаждает взор приезжих и стыдливо укрывает неприглядное убожество грязных улиц и ветхих дощатых домишек бедняков.

Правда, центр города, Балахванская улица вымощены булыжником и застроены двухэтажными каменными домами. Здесь живут отцы города. Однако эти «шикарные» улицы освещаются всего несколькими керосиновыми фонарями. Их зажигает с наступлением сумерек специально содержащийся для этого городом фонарщик. Первый газовый фонарь в Кутаисе стал большим событием. Его установил перед своим лимонадным заводом знаменитый Логидзе. Ах, какие чудные, с несравненным ароматом фруктовые воды подавали в заведении Логидзе. В кувшин для охлаждения бросали несколько кусочков льда. Особенно хорошо запивать ими теплый, во всю тарелку хачапури. Вот только в семье Киквидзе для этого недорогого, в сущности, удовольствия денег никогда не хватало.

Напротив лимонадного завода — городской сад. Здесь по воскресеньям и четвергам чинно прогуливался обыватель, здесь же фланировали с армейским шиком неженатые пока подпоручики и затянутые в черкески местные герои. В эти дни здесь играл военный духовой оркестр и устраивались танцы. Но даже в праздники город с его ленивым укладом жизни засыпал рано. Окна домов плотно запирались ставнями. Встретить на пустой темной улице после десяти вечера можно было только разве что засидевшегося в духане кинто или молоденького офицера, проводившего домой барышню на выданье вместе с бдительной мамашей.

Днем — на большой перемене — в сад забегали гимназисты и гимназистки, благо от обеих гимназий было рукой подать. Но позже семи доступ сюда учащимся был заказан. За этим строго следили классные наставники и сам инспектор гимназии статский советник господин Харламов. Обликом своим и манерами поведения он поразительно напоминал чеховского «Человека в футляре» — вплоть до ваты в ушах.

Новое здание Кутаисской мужской классической гимназии — монументальное, с пышным порталом — высилось неподалеку от Риони. Просторный гимназический двор уступами спускался к реке. Во дворе росла огромная, со стволом в шесть охватов, пяти-сотлетняя чинара. Чинара почиталась как городская достопримечательность, потому ствол ее огораживали каменные плиты. А на самом берегу находилась невзрачная каменная постройка, где вершил скорый, но праведный суд легендарный имеретинский царь Соломон.

Кутаисская классическая гимназия считалась относительно демократическим учебным заведением. В ней учились не только дворянские отпрыски, но и

дети мелкопоместных дворян, торговцев, ремесленников и даже крестьян. Многие ребяташки из сел не знали русского языка и говорили только по-грузински. Позже Васо Киквидзе понял, что все в этой гимназии было направлено на подавление личности учащихся, на воспитание их в духе слепого повиновения и беспрекословного служения самодержавию. Такие порядки существовали не только в Кутаисской гимназии, это была продуманная система бездушия и произвола, которая, словно в издевку, называлась «народным просвещением».

Один из немногих хороших учителей, которого понастоящему любили и уважали гимназисты, Николай Николаевич Джомарджидзе, с горечью писал: «Что из того, что многие наши гимназии имеют большие здания, прекрасные актовые залы, хорошо обставленные кабинеты и просторные коридоры. Это не избавило их от горьких и искренних проклятий со стороны замученных в них воспитанников, которые с отвращением вспоминают лучшие годы свои, отравленные общением с черствыми казенными преподавателями, с этими бездушными педантами и невеждами. С какой циничной небрежностью эти полицейские педагоги игнорировали духовные запросы юношества, с какой возмутительной грубостью подавляли они в нем все благородные порывы!»

Гимназисты от мала до велика дружно ненавидели учителя словесности Юркевского — взяточника, пьяницу и доносчика, латиниста Лебедева, злобно глумившегося над грузинским языком, законоучителя протоиерея Тугаринова, утонченного мучителя детских душ и сердец... Они, уж точно, были скорее полицейскими, нежели педагогами.

С нескрываемым подозрением относились сии наставники юношества не только к каждому вольному

слову, но даже к собственным, трижды профильтрованным цензурой дисциплинам, знание которых они по служебному долгу обязаны были передавать учащимся. Потому и нажимали с особым рвением на спряжения мертвых латинских глаголов и священное писание. Иное дело — литература, великая российская литература с ее демократическими традициями и пристальным вниманием к жизни народа. В ней закоснелые педагоги и тогда, и в иные времена безошибочно чувствовали опасность. И, видимо, не зря. О настроениях, которые бытовали в гимназической среде, красноречиво свидетельствует специальный протокол, разосланный попечителем Кавказского учебного округа директорам всех подчиненных ему гимназий: «Жизнь не только не благоприятствует школе в деле правильного воспитания учащихся, но указывает даже на необходимость оберегать воспитанников от вредного влияния нравственно незрелой части общества и особенно от пагубного действия превратных идей, проповедуемых в произведениях, так сказать, злободневной литературы».

...Жизнь далеко развела пути бывших воспитанников Кутаисской мужской классической гимназии. Большинство из них Василий Киквидзе на своем коротком жизненном пути так никогда и не встретил, но некоторых запомнил надолго. В том числе высокого, лобастого подростка с глубоко посаженными мрачноватыми глазами. Он первым заговорил с Васо на большой перемене по-грузински. Васо решил, что он грузин. Был очень удивлен, узнав, что его новый знакомец — русский, сын лесничего в Багдади — селе верстах в двадцати от Кутаиса. Звали его Володя Маяковский. Володя хорошо рисовал, поэтому к нему с особым расположением относился один из са-

мых любимых гимназистами учителей — учитель рисования Василий Антонович Баланчивадзе. Маяковский был на два года старше Васо, в таком возрасте разница существенная. Неписанный гимназический кодекс исключал при подобном неравенстве возможность сколь-либо близкого знакомства, тем более дружбы.

Самым сильным потрясением детских лет стала для Василия Киквидзе, как и для многих его сверстников, первая русская революция. Владимир Маяковский в автобиографии «Я сам» главу «905-й» открывает кратко и выразительно: «Не до учения». И дальше: «Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел».

События в далеком Петербурге мгновенно всколыхнули всю Грузию. Не было исключением и Кутаис. В городе уже давно было неспокойно. Еще в начале 1904 года учащиеся кутаисских учебных заведений устроили на главных улицах города манифестацию под лозунгом: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» К учащимся присоединились рабочие паровозного депо, кирпичных заводиков, кузниц возле Красного моста.

Занятия в гимназии были сорваны. Ненавистных педагогов встречали взрывами шумовых петард — их можно было купить в популярной среди гимназистов кондитерской Мунджиева. Метали петарды и двенадцатилетний Володя Маяковский, и десятилетний Васо Киквидзе. Нет, это не было азартное детское озорство, хотя детство, конечно, давало себя знать, скажем в поливке полов горчичным спиртом, что делало занятия в классах невозможными по крайней мере на час-другой.

Десяти — двенадцатилетние ребята выражали по-

колениями накопленную ненависть бедняков к богачам, угнетенных к угнетателям. Старшеклассники — а следом за ними шли и младшие — выступали вообще уже вполне сознательно. Движением молодежи руководил Имеретино-Мингрельский комитет Кавказского союза РСДРП. При комитете была образована пропагандистская группа, в которую входили и учащиеся старших классов кутаисских учебных заведений.

К учащимся была адресована специальная прокламация. Заканчивалась она страстным революционным призывом:

«...Мы жаждем новой жизни и бесстрашно идем к ней, мы ненавидим насилие и ложь и боремся против них; мы ищем правду, справедливость и страдаем за нее, и каждая жертва самодержавия кует новый булат его гибели. Не бойтесь этих жертв. Уже настал желанный час; настал момент, когда всеобщая скрытая злоба и ненависть, вырываясь из истомленных грудей сынов народа, превращается в грозный клич:

Долой самодержавие!

Долой героев кнута и насилия!

Долой хищника-кровопийцу и его опричников!

Да здравствует демократическая республика!»

В гимназии обосновался жандармский полковник. К нему одного за другим вызывали гимназистов: выявляли зачинщиков беспорядков.

Трагедия Кровавого воскресенья — 9 января 1905 года — отозвалась по всей огромной стране не просто волнениями — революцией. 19 января учащиеся устроили демонстрацию на Гимназической улице. Демонстрантов рассеяла полиция, арестовав при этом семь человек. Директор гимназии Чебиш и директор реального училища Бабинский отправили

попечителю Кавказского учебного округа паническую телеграмму: «В Кутаисе уличные беспорядки. Тревожное настроение охватило всех. Родители опасаются отпускать в школу детей. При данных условиях вести занятия затруднительно...»

Чебиш послал в Тифлис еще одну депешу: «25 января в конце большой перемены ученики произвели шумную демонстрацию. Пришлось распустить их по домам».

О бурной жизни однокашников Васо Киквидзе и, следовательно, его самого в эти дни дает достаточно полное представление сохранившаяся в архивах папка с надписью «Секретно» — «Дело Кутаисской мужской гимназии об ученических беспорядках, произведенных в январе месяце 1905 года».

Только одна страничка из этого пухлого дела:

«25 января в гимназии после первого и второго урока в верхнем и нижнем коридорах среди учеников раздавались шум и крики... В конце большой перемены, несмотря на присутствие к коридорах как инспектора, так преподавателей и помощников классных наставников, ученики сгруппировались в верхнем и нижнем коридоре; среди них послышались крики «долой» (по-русски и по-грузински). ...Их крики прерывались нестройным пением песни революционного содержания, слышались отдельные возгласы «Да здравствует свобода», и кто-то крикнул «Долой самодержавие»».

Все эти богатые необычными событиями дни Васо пропадали на улицах. Никакие силы не могли удержать его в стенах гимназии. Только на улицу! Туда, где происходит что-то захватывающе интересное и важное.

Вот громыхает по булыгам фаятон. В нем несколько гимназистов-старшеклассников. Васо не зна-

ет их фамилий, но лица ему хорошо знакомы. Вдруг грубый и повелительный оклик:

— Стой! Стой, тебе говорят!

Дорогу фаэтону преграждают четверо верховых. У каждого из-под лихо заломленной фуражки выбивается пышный чуб, за плечом карабин, слева бьет-ся о сапог шашка. А еще у каждого нагайка, змеей вьется с рукава. Казаки!

Поднимается в фаэтоне тоненький, в узком мундирчике, с узким, белым от волнения лицом. Кричит что-то уряднику. Что — Васо не слышно. Он только видит... Удар — страшный, коротким тычком, в лицо прикладом... И уже нет белого узкого лица с горящими глазами... Красное месиво и темные пятна падают вниз, на мостовую, под копыта крутящейся бешено на месте белой казачьей лошади.

Взметнулись, засвистели нагайки, обрушились на других в фаэтоне, на извозчика.

На другой день с утра зашумела толпа у входа в гимназию. Все знали: двое, вчера избитых казаками, в больнице, в тяжелом состоянии. Двери гимназии на замке. И вот уже жалобно звенят под градом камней стекла на первом этаже.

Высокий семиклассник без шапки поднимает руку и тонким ломающимся голосом бросает в толпу дерзкие слова. Васо тоже знает их наизусть, эти строки революционного поэта Иродиона Эвдошвили:

Товарищи, идите вперед, вперед!
Да не дрогнут ваши сердца.
Хоть на груди появится кровавое тавро,
А на лбу — ручьи пота.

Взметнулось, закачалось над толпой красное знамя. И вдруг кто-то в задних рядах тревожно, предостерегающе:

— Казаки!

Цокот кованых копыт по булыжнику. Патруль — полувзвод конных на углу Гимназической и Каравансарайской.

Большевицкая газета «Пролетарий» описала то, что произошло через несколько минут в этот день — 14 февраля:

«Группа бастующей молодежи столкнулась с рядом казаков. Засвистели нагайки, началось немилосердное побоище. Учащиеся, запершись в городском саду, осыпали градом битого камня скакавших вокруг казаков и стражников, которые, недолго медля, пустили в ход огнестрельное оружие. Послышался глухой треск ружейного залпа, затем другой, третий... Казаки обстреливали сад. Пули свистели у самых ушей собравшейся в разных пунктах массы обывателей, сверля стены, попадая в людей. Крики мести и отчаяния, плач женщин и детей оглашали воздух... Из сада и из массы раздавались по временам револьверные выстрелы. Несколько стражников свалилось с лошадей... На улице из кровавой лужи товарищи подняли трех убитых, обезображенных от ран рабочих. Раненых доставили в городскую больницу. Улицы опустели, и с наступлением ночи кончилась эта дикая вакханалия, но в городе воцарился неудержимый произвол казаков...»

Пройдут годы. Не раз еще встретится Василий Киквидзе с белоказаками. Столкнется с ними вольноопределяющийся Киквидзе и на бурлящем Юго-Западном фронте летом 1917 года, и через год — уже красным начдивом — под Царицыном. Казачья пуля оборвет в неполные двадцать четыре года его жизнь. Но об этом позже.

Полиция составила список неблагонадежных гимназистов, главным образом крестьянского происхож-

дения, с тем чтобы выслать их в родные села. Но от этого мудрого замысла пришлось отказаться: смутянов оказалось более ста, едва ли не все учащиеся средних и старших классов.

Не случайно в прокламации «Рвутся оковы!», которую выпустил в марте Кавказский союз РСДРП, были такие слова: «И учащиеся не отстали от общего движения. Они также подали руку рабочему народу и свой юный голос присоединили к его революционному голосу».

Положение в Западной Грузии все серьезнее тревожило царские власти. За беспорядками в городах последовали и выступления крестьян в селах. В качестве ответной меры последовал высочайший приказ об изъятии Кутаисской губернии и Озургетского уезда из ведения гражданской администрации и о подчинении их «ввиду непрекращающегося брожения впредь до восстановления в этих местностях полного спокойствия» известному своей жестокостью генерал-майору Алиханову-Аварскому, который наделался правами генерал-губернатора.

Еще одно воспоминание Васо Киквидзе от девяносто пятого года — похороны пламенного революционера Александра Цулукидзе. Траурная процессия, провожавшая его в последний путь, растянулась от скромного домика на Гегутской улице до городской заставы. Звучали речи, слышались возгласы: «Долой самодержавие!» Среди множества венков был и венок от кутаисских учащихся.

Летом 1905 года активность гимназистов, несмотря на летние каникулы, не снизилась. Непрерывно проходили летучие собрания — их называли новым словом «сходки», — но уже не в стенах гимназии, а на берегу Риони или на Габаевской горе. На сходки допускались и делегаты от младших классов — по

одному. Конечно, большим весом их голоса не обладали, но зато им было доверено важное дело — держать одноклассников в курсе вопросов, которые обсуждались на сходках старшими гимназистами, их требований к директору гимназии и педагогическому совету.

У Васо была еще одна обязанность, о которой не знал никто из его одноклассников: по поручению старших он доставлял им прокламации, которые получал в условленном месте от худого, с длинными прокуреными усами муши — рабочего железнодорожного депо дяди Нико. Но это тихое занятие не могло полностью удовлетворить кипучую натуру мальчика. Результатом явилась история, едва не стоившая Васо жизни.

При введении военного положения Кутаис был разделен на три участка: Нагорный участок находился под контролем командира 1-го Хоперского полка, Центральный — командира Куринского полка и Заречный — командира Потийского полка.

Однажды командир казачьего Хоперского полка вернулся домой из театра. Сбросив в прихожей шинель, полковник направился было в комнаты, но хватился, что забыл в кармане портсигар. Он вернулся в прихожую, опустил руку в карман шинели и кроме портсигара обнаружил там сложенную вчетверо революционную прокламацию. Потом уже полковник вспомнил, что, когда он у театрального подъезда садился в экипаж, возле него крутился какой-то подозрительный носатый мальчишка.

Полковник сорвал гнев на денщике и кучере. На сем бы дело и закончилось, но Васо, воодушевленный первым успехом, решил действовать в подобном роде и дальше. На сей раз он прицепил листовку к... хвосту лошади жандармского офицера.

Ему не повезло: проделка была замечена, вдогонку за дерзким мальчишкой поскакал конный казачий патруль. Его настигли на мосту через Риони. Усатый урядник на скаку свесился с седла, чтобы сцапать мальчишку за шиворот, но не успел... Не раздумывая долго, Васо перемахнул через парапет в быстрые воды реки.

Осенью 1905 года снова поднялась волна революционного движения в стране. К Всероссийской стачке железнодорожников присоединились и железнодорожники Закавказья. Снова начались забастовки и вооруженные столкновения рабочих и крестьян с войсками. Особенно взбудоражили Кутаис весть о кровавой бойне в Тифлисе, в которой погибли десятки рабочих и шесть гимназистов, и сообщение из Москвы о зверском убийстве провокатором-черносотенцем большевика Николая Баумана.

Рабочие и учащиеся Кутаиса устроили многолюдную демонстрацию. Закончилась она побоищем с полицией. Политический митинг состоялся и в селении Хони. Крестьяне, добрая половина которых приходилась Васо Киквидзе родственниками, обсудив политическое положение в России, приняли резолюцию. В ней были и такие пункты: требовать отмены военного положения, послать привет лейтенанту Шмидту и его матросам, революционным солдатам и не платить податей.

Крестьяне в селах стали прогонять правительственных чиновников, разоружать земскую стражу. Наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков обратился к военному министру с просьбой срочно направить в Кутаисскую губернию морем, через порт Потти, дивизию пехоты с артиллерией. В январе 1906 года наместник издал приказ о беспощадном подавлении революционного движения в Западной Грузии. Вре-

менному генерал-губернатору Алиханову-Аварскому предписывалось самыми суровыми мерами навести порядок.

Начался террор.

Каратели были беспощадны. Сжигали дотла селения. Пороли шомполами даже подростков и женщин. Расстреливали без суда. В Кутаис царские войска вступили, словно в захваченный вражеский город. Жители были предупреждены, что в случае нарушения порядка военные начальники имеют право «после троекратного сигнала действовать оружием».

Приказ Алиханова запрещал проведение манифестаций и демонстраций, распространение прокламаций и воззваний, вывешивание революционных знамен и даже... езду по городу на велосипедах.

Занятия в учебных заведениях Кутаиса были возобновлены.

Вернулся в класс и одиннадцатилетний гимназист Васо Киквидзе, ставший за этот год трудных переживаний взрослее.

Еще четыре года провел Василий Киквидзе в стенах Кутаисской гимназии. Учился средне — только чтобы переходить из класса в класс. Не верил, что аттестат зрелости поможет ему, бедняку, выбиться в люди, да и само учение не привлекало. Новый директор гимназии М. Глушаков был откровенным черносотенцем, активным деятелем «Союза русского народа». Лучшие преподаватели, которых любили и уважали гимназисты, были изгнаны. Их место заняли злобные невежды, отсутствие знаний и педагогических способностей возмещавшие преданностью царизму, с полицейской точки зрения люди весьма благонадежные. Да и сама гимназическая программа с ее упором на мертвые языки, препарированную в верноподданническом духе историю и географию, за-

кся божий никак не могла поддерживать в живом, любознательном подростке страсти к учению и уж никак не способствовала его прилежанию и примерному поведению.

Жестокая реакция, воцарившаяся в стране после поражения революции девятьсот пятого года, не могла, однако, повернуть историю вспять. Загнанные в глубокое подполье, революционеры в тяжелейших условиях продолжали борьбу. Не оставляли они без внимания и учащуюся молодежь.

Конечно, не все гимназисты, принимавшие стихийное участие в демонстрациях и побоищах с полицией в бурном пятом году, пронесли сквозь жизнь революционный дух и убеждения. Многие угомонятся, станут либеральными земскими врачами, усердными чиновниками, преуспевающими путейскими инженерами — словом, благонамеренными членами общества. С улыбкой будут вспоминать о бездумных порывах мятежной юности.

Многие, но не все.

Окажутся и такие, для кого революция станет делом всей жизни, гимназические беспорядки явятся первым факультетом в университете бескомпромиссной борьбы с самодержавием и капитализмом, от ученических кружков они найдут путь к ленинской партии, станут профессионалами и солдатами революции, ее героями, а один — ее величайшим поэтом.

Юный Васо Киквидзе не забыл ничего, что видел, слышал, пережил в пятом году. На всю жизнь он запомнил разбитое прикладом окровавленное лицо подростка-гимназиста, трупы убитых рабочих у решетки городского сада, свист пуль, что посылали в него — мальчишку с моста через Риони — озверевшие казаки.

Не забыл и не простил...

Он пытается понять, осмыслить, осознать. Встречает людей, которые хотят ему в этом помочь. От них получает листовки, газеты, брошюры, книги. До латыни ли ему, тем паче закона божьего!

Дома плохо. Семья, и раньше небогатая, впала уже просто в настоящую бедность. Раньше денег не хватало на приличную одежду, теперь — даже на хлеб.

Мать плакала — рушилась ее мечта дать сыну образование, но отговорить его не смогла: в 1910 году Василий Киквидзе бросил гимназию. Крепкого юношу охотно взяли молотобойцем в кузницу.

Пять лет провел Василий у наковальни. Тяжелая это была работа, к тому же от зари до зари. Но давала она и свою радость, наливала тело здоровой силой, вселяла в душу уверенность. Было в этом занятии с железом что-то гордое и буйно-веселое. Кто такой гимназист? Еще неизвестно, что из него получится. А кузнец — среди людей человек уважаемый. Рабочий человек, который все может, все умеет. Так говорил дядя Илико, кузнец, у которого Васо стоял подручным.

Первые месяцы юноша приходил домой настолько разбитый от усталости, что даже есть не хотелось, думал только об одном — как поскорее добраться до кровати. Но потом втянулся в работу, овладел малопомалу мастерством, научился обращаться с молотом сноровисто и без суеты. Стал меньше уставать, появилось время и для отдыха, и для других занятий. Начал подрабатывать перепиской бумаг.

Честно говоря, Васо и не вспоминал поначалу о заброшенных гимназических учебниках — так надое-

ла ему их казенная скука. И для чего ему знания, не имеющие ничего общего с реальной жизнью, если становится царским чиновником он не собирался, а учиться дальше, в университете скажем, так на какие деньги? Нет, не нужна эта гимназия ни ему, ни другим беднякам.

— Нет нужна! — сказали Васо его старшие товарищи.

Чтобы бороться с царем, капиталистами, помещиками, рабочие должны овладеть знаниями, наукой, военным делом. Рабочий класс, народ нуждаются в грамотных, знающих людях. Царские власти это хорошо понимают, именно поэтому они установили такие порядки, чтобы как можно меньше детей бедняков могли получить образование.

Рано или поздно, говорил дядя Илико, в России снова произойдет революция. В пятом году царь сумел ее подавить, но грядущая революция победит обязательно. А для этого ей нужны свои командиры, офицеры из рабочих и крестьян. Откуда же их взять, если такие здоровые и грамотные ребята, как он, Васо Киквидзе, не хотят учиться дальше?

Дядя Илико, конечно, был прав. Как только Васо понял это, он, вздохнув, достал из чулана успевшие изрядно запылиться учебники. За год повторил все забытое, нагнал упущенное и экстерном сдал за полный курс классической гимназии. Теперь он имел право поступать в любое учебное заведение Российской империи. Правом этим воспользоваться, однако, ему так и не довелось.

Вместо синей студенческой тужурки ему пришлось облачиться в серую солдатскую шинель: уже разразилась первая мировая война, и в 1915 году Василий Киквидзе оказался в армии на правах вольноопределяющегося. Попал он в небольшой русский

город Кирсанов на Тамбовщине. Здесь новобранцы в ускоренном порядке проходили военную подготовку, отсюда затем их посылали на передовую — в 6-ю кавалерийскую дивизию 7-го кавкорпуса Юго-Западного фронта.

Казарменная жизнь для Киквидзе с первого же дня сделалась невыносимой. Дело было не в нагрузке, павшей на плечи новобранцев. Сегодняшние драгуны вчера были рабочими и крестьянами, привычными к тяжелой работе и суровому быту. Оскорбляло, возмущало обращение с защитниками «престола и отечества», безответными и беззащитными перед господами офицерами и лютыми унтерами.

«Знамя есть священная хоругвь... Долг солдата — беспощадно сражаться не на жизнь, а на смерть с врагом внешним и внутренним» — эти премудрости вбивали в солдатские головы на занятиях словесностью, перемежая пустые напыщенные фразы густой матерщиной, словно иного языка драгун понять не мог. На занятиях по строевой и огневой не стеснялись и рукоприкладства. Однажды в манеже вахмистр, словно по ошибке, несколько раз опустил хлыст не на круп лошади, а на спину Васо.

Видимо, из Кутаиса в Кирсанов дали знать, что Киквидзе до призыва в армию числился в полиции неблагонадежным. Не раз, вернувшись в казарму, Киквидзе обнаруживал, что в его сундучке кто-то рылся. Вещи и деньги целы, — значит, логично рассуждал Васо, лазал в сундучок не вор.

Негласные обыски участились после того, как в полку появились революционные прокламации. Киквидзе имел к их распространению самое непосредственное отношение, но был осторожен и предусмотрителен — в сундучке ничего крамольного не держал, прятал в надежных местах. Однако тучи над ним

сгущались, и как-то знакомый писарь из штаба шепнул Киквидзе, что ночью за ним придут.

Васо не стал дожидаться ареста, следствия, суда. Уж если приказ о его аресте отдан, значит, жандармы докопались до чего-то серьезного. А трибунал в военное время мог означать в лучшем случае каторжные работы.

Ночью в казарму явился жандармский штабс-ротмистр Подлясский, но место на нарах, где спал Киквидзе, оказалось пустым. Казарму обшарили, выслали наряд и на железнодорожную станцию. Поздно.

Киквидзе ушел... Плотами по матушке Волге он добрался до Астрахани, а весной 1916 года очутился в Баку, где устроился на нефтяные промыслы.

Все-таки надо отдать должное царской полиции — хлеб даром филеры не ели. Сыск в России был поставлен во главу угла всей внутренней политики. Среди промысловиков, с которыми работал Киквидзе несколько месяцев, нашелся осведомитель полиции, он и сообщил по начальству, что новый рабочий — дезертир.

Под конвоем Василия вернули в полк. Тут ему повезло — то ли новый командир недолюбливал жандармов, то ли просто полагал, что его дело пополнять действующую армию, а не сибирскую каторгу. Во всяком случае, он не отдал Киквидзе под суд, а посадил его под строгий арест на двадцать суток. Потом снова строй.

В начале 1917 года на фронт отправлялся очередной маршевый эскадрон. Воспользовавшись предотъездной суматохой, вызванной главным образом тем, что почти все офицеры последние дни непробудно пили, прощаясь с тыловой жизнью, Киквидзе снова бежит. На сей раз в одно из селений под Кута-

исом, где у него были родственники. Всего несколько дней прожил Васо на свободе. Его таки выследили и снова арестовали. Теперь уже на снисхождение рассчитывать не приходилось. Его и не последовало. Через неделю военно-полевой суд Кутаисского гарнизона за неоднократные побеги из армии приговорил Василия Киквидзе к смертной казни «через расстреляние».

Надеждой на помилование он не тешился, но думать, что вот-вот, не сегодня, так завтра, сухой треск ружейного залпа оборвет его короткую жизнь, не хотелось. А хотелось жить и верилось, что после этой ненужной народу войны придет свобода рабочим и крестьянам, начнется новая жизнь, счастливая, без царя, жандармов, банкиров, фабрикантов и помещиков. Не желал примириться с мыслью, что ему до этих светлых дней не дожить. Но приговор есть приговор, а в нем черным по белому неумолимо и неотвратимо: «Через расстреляние».

В последнюю ночь февраля, когда, словно по иронии судьбы, Васо исполнилось двадцать два года, в дверь камеры смертников загрохотали сапоги и приклады. Неужто пришел полевой караул для приведения приговора в исполнение? Но почему грохочут, когда у надзирателей есть ключи и вообще осужденных стараются выводить без лишнего шума, чтобы не будоражить всю тюрьму? Широко распахнулись двери, в проеме пляшущие, оружие, восторженные:

— Выходи, братцы! Свобода всем! В Питере революция!

В коридорах гомон в сто глоток, русские и грузинские выкрики, смех и ругань, и вот уже кто-то запел «Марсельезу». На шинелях красные кумачовые банты, перед дверью в канцелярию растоптан-

ный — стекло в мелкий хрусткий песок — портрет царя.

Где провел Василий Киквидзе первые две недели после падения самодержавия, мы не знаем. Доподлинно известно только одно: в середине марта 1917 года он прибыл — уже по доброй воле — в расположение той самой 6-й кавалерийской дивизии Юго-Западного фронта, куда его безуспешно пытались отправить насильно. И сразу же на митинг. Драгуны, старые знакомые по прежней совместной службе в Кирсанове, встретили его с ликованием, как воскресшего из мертвых. В их глазах жестокий приговор царского суда значил многое, потому вольноопределяющегося Киквидзе почти сразу же, как своего и проверенного, ввели в состав солдатского комитета 6-й кавдивизии.

Весной 1917 года Юго-Западный фронт был самый протяженный на всем театре военных действий. На сотни верст бороздили его траншеи территорию двух военных округов — Киевского и Одесского, двенадцати губерний. Совсем недавно войска Юго-Западного принесли русскому оружию громкую победу — победу, которая вошла в историю под названием Брусиловский прорыв.

Юго-Западный был не только самым протяженным, но в политическом отношении и самым отсталым фронтом. На тысячи солдат большевиков приходилось считанные единицы. Спекулируя на «боевых брусиловских традициях», кадеты, «народные социалисты», эсеры, меньшевики старались держать солдат, в подавляющей массе крестьян из окраинных губерний, в политическом невежестве, втолковывая им на разные лады, что спасение России в верности союзническому долгу и доведении войны до победного конца. Командные посты на Юго-

Западном занимали такие контрреволюционно настроенные генералы, как Корнилов, Деникин, Крымов, Краснов и другие — будущие вожди белой гвардии. На Юго-Западный чаще, чем на другие фронты, направляли свои стопы многочисленные делегации военных миссий союзнических держав Антанты.

В Киеве началось формирование украинских националистических частей — так называемых гайдамаков, ставших ядром будущей петлюровской армии.

Командование принимало все меры к тому, чтобы оградить солдат от большевиков, от правды ленинской партии. В этом генералам усердно помогали соглашатели — меньшевики и эсеры. Делегации рабочих из Петрограда, Москвы и других пролетарских центров в воинские части не допускались, большевистские газеты и литература перехватывались.

Утром 7 мая в Каменец-Подольске в помещении городского театра открылся Первый съезд Юго-Западного фронта. Командование постаралось, чтобы на съезд попало как можно меньше солдат и офицеров, настроенных подлинно революционно, лишь бы провести в состав Исполкома — Искомитюза — своих ставленников, а также протащить нужные резолюции в поддержку нового — коалиционного — состава Временного правительства и «войны до победного конца». С целью психологического воздействия на съезд из Петрограда прибыла целая делегация соглашателей, возглавляемая меньшевиком Шапиро и «народным социалистом» Станкевичем. Пожаловал в Каменец-Подольск и французский министр, известный социал-шовинист Альбер Тома.

Из семисот делегатов съезда большевиков и сочувствующих им было только около пятидесяти.

В том числе Василий Киквидзе и его знакомец по тюрьме, который, оказывается, после освобождения тоже попал на Юго-Западный. Они радостно обнялись, похлопали друг друга по широким спинам, да так и просидели рядом все заседания. Познакомился Киквидзе на съезде с Кириллом Ереминым — белобрысым и ясноглазым унтер-офицером с тремя Георгиями. Еремин был по специальности связист.

Первым съезд приветствовал длинноусый, покавалерийски поджарый генерал с умным и волевым лицом — главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. На узких плечах — погоны полного генерала, под воротником и на груди — золотом и белой эмалью светились два ордена Святого Георгия. Брусилов... Самый знаменитый и талантливый генерал во всей русской армии. Говорили, что вот-вот Брусилов займет пост верховного главнокомандующего.

Главкоюз разочаровал Киквидзе и других делегатов. Не тех слов ждали от него и не так произнесенных. Генерал говорил тихо и вяло, словно отбывал какую-то тягостную повинность. Похоже, так оно и было. Речь Брусилова кончилась неожиданно: после искренне, хотя и нервически прозвучавшего призыва к всевышнему даровать победу православному воинству генералу стало дурно, и он, весь обмякнув, поддерживаемый под локоть адъютантом, с трудом сошел с трибуны. Откуда-то появился военный врач, торопливо накапал в стакан с водой лекарство, заставил командующего выпить.

В глубине души Алексей Алексеевич Брусилов, умнейший человек, видимо, знал правду, но не хотел, не мог признать ее, заставлял себя верить, что спасение родины только в полной и окончательной

победе. Не верил — и переживал это горько и глубоко, — что солдатские массы откликнутся на его призыв. В своих воспоминаниях он честно признал: «Я понимал, что, в сущности, война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать».

Посланцы меньшевистско-эсеровского Исполкома Петроградского Совета разделили свои роли. Первым выступил Шапиро и призвал съезд поддержать всемерно коалиционное Временное правительство.

Потом на трибуну поднялся «народный социалист» Станкевич — будущий комиссар Временного правительства при ставке. В длинной, выпренной речи он потребовал от солдат новых жертв и страданий во имя человечества. Закончил высокопарно:

— Русская демократия добывает мир с оружием в руках!

Станкевич в определенной степени сгладил неловкость после явно неудачной речи Брусилова. Тщательно подобранное большинство в зале аплодировало ему долго и организованно.

И вдруг в зале воцарилась настороженная тишина. Это председательствующий эсер Дашевский с явной неохотой предоставил слово делегату от большевиков — прапорщику Крыленко. С любопытством разглядывал Киквидзе лобастого человека с короткой бородкой, одетого в изрядно потрепанную солдатскую гимнастерку с помятыми офицерскими полевыми погонами. По сравнению с щеголеватым Станкевичем Крыленко выглядел совсем неказисто. Трибуна на сцене, видимо, возводилась в расчете на гвардейских гренадеров, а прапорщик был низкорослым.

Спокойно, не обращая ни малейшего внимания на язвительные смешки по этому поводу, Крыленко

отошел от громоздкой постройке в сторону. Выдержка и достоинство, с которыми держался этот человек сугубо штатского обличья, сразу вызвали у Киквидзе чувство симпатии к нему. Впрочем, смешки быстро сникли.

Голос у Крыленко оказался неожиданно зычным, а логика — прямо-таки убийственной. Он камня на камне не оставил от псевдореволюционных выступлений Шапиро и Станкевича, ратовавших за возобновление на фронте активных наступательных действий.

Легко перекрывая шиканье из первых рядов партера, Крыленко с гневом и сарказмом говорил:

— Либо господа фабриканты будут пешками в руках министров-социалистов — тогда вообще зачем коалиционное Временное правительство, либо они не будут пешками — тогда тем более зачем они в правительстве. Единственный действенный путь — это удаление капиталистов от власти. Если они пошли на соглашение к социалистам, то только затем, чтобы отдалить момент краха всех надежд буржуазии и отдалить момент своей гибели. Коалиционное правительство — это не выход из кризиса, а усугубление его. Выход — в передаче всей власти в руки Советов!

Кто-то попытался перебить оратора — на него цыкнули, даже в этой аудитории прапорщик-большевик заставлял обманутых солдат слушать слова правды.

— Что же касается войны, то война есть и остается захватной и грабительской! Наступление ничего общего с революционной борьбой за мир и свободу не имеет и иметь не может! Путь к миру — только через революцию! Помимо буржуазии и наперекор ей!

Так закончил Крыленко свое выступление под бурные аплодисменты большевиков и сочувствующих им.

В разгар работы съезда в президиуме появился Керенский. С недоумением и разочарованием, которое он даже и не пытался скрыть, взирал Киквидзе на этого вчера еще никому не известного присяжного поверенного, капризом истории неведомо за какие достоинства словно цирковой подкидной доской брошенного в кресло военного министра Временного правительства России.

На газетных фотографиях Керенский выглядел впечатляюще, Вблизи ничего величественного. Френч с приколотой над карманом красной розой, бриджи, ботинки с желтыми крагами делали его похожим на провинциального фата, вырядившегося на воскресную прогулку верхом. Лицо бледное, нездоровое, с больной кожей и опухшими красными глазами. Несмотря на повелительность тона и умышленную резкость манер, чувствовались в нем какая-то ненормальность, нервный надрыв.

Керенский говорил долго, с истерическими выкриками. Казалось, вот-вот все это кончится безумным смехом. Кончив говорить, он в изнеможении рухнул в услужливо подставленное кресло. Тот же военврач и ему накапал в стакан успокоительного. В зале стояла та же тягостная тишина, что и после выступления Брусилова. И вдруг ее нарушил чей-то безудержный, даже с всхлипываниями, смех. Смеялся Киквидзе.

— Ты что, Васо? — недоуменно спросил Еремин.

— Не могу, ты только посмотри, Кириле! — Киквидзе ткнул пальцем в сторону трибуны и снова закатился.

Тут и Кирилл заметил, что возле трибуны кроме

охранника министра — худого офицера с солдатским Георгием и черной повязкой, прикрывающей левый глаз, — возникла еще какая-то странная фигура с неопределенными, но весьма объемистыми формами, облаченная в гимнастерку с унтер-офицерскими погонами и тоже Георгием. На толстых ногах — обмотки.

— Это же тетка! Ей-богу, тетка! — Киквидзе даже закрутился на месте от удовольствия. От смеха на глазах его выступили слезы.

Теперь уже гомерическим хохотом разразился весь зал. Улыбка пробежала даже по бледному лицу Брусилова.

Непонятное существо, точно, оказалось «теткой», точнее, взводным из пресловутого «ударного» женского батальона, которому Керенский лично покровительствовал.

Резолюция большевиков с требованием отказаться от наступления и заключить мир была отклонена, но голосовало за нее гораздо больше делегатов, чем предполагали устроители съезда. Среди тех, кто поднял мандат за большевистскую резолюцию, был и Василий Киквидзе, хотя и считался он тогда эсером.

В перерывах съезда Киквидзе познакомился с несколькими делегатами-большевиками. Среди них выделялся невысокий, очень красивый подпрапорщик с грустными темными глазами и аккуратно подстриженными усиками. На груди его позвякивали четыре солдатских Георгиевских креста — полный бант. Это был Медведовский — взводный командир в роте георгиевских кавалеров при штабе фронта.

С этим человеком Василию Киквидзе предстояло пройти плечом к плечу до конца отпущенных ему недолгих дней.

По приказу Керенского 18 июня началось наступление войск Юго-Западного фронта. В его успехе буржуазия, ее политические партии, само Временное правительство видели единственное средство укрепить свою власть, нанести удар по Советам и большевикам. В случае провала наступления вину можно было возложить на большевиков, приписав им разложение армии, и под этим предлогом запретить их деятельность, а затем разогнать и Советы.

Сами большевики прекрасно понимали, что в любом случае — успеха или неудачи наступления — буржуазия использует его для удара по революции. В. И. Ленин так и писал: «Наступление, при всех возможных исходах его с военной точки зрения, означает политически... укрепление *основных позиций контрреволюции*».

На Юго-Западном за наступление агитировали не только представители буржуазных партий и организаций от кадетов до «земгусаров», но и соглашатели-оборонцы: меньшевики и эсеры. Им вторили, криливо и напористо, украинские националисты.

В военном отношении наступление не было подготовлено как должно. Не хватало оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия. Фронт заметно уступал противнику в артиллерии и авиации.

В представлении Керенского, настолько же невежественного в военных вопросах, насколько уверенного в своей способности исполнять безупречно обязанности министра военного и морского, отсутствие должной подготовки вполне можно было компенсировать бодростью духа армии. А лучшим средством для этого он полагал лицемерие ликующими войска-

ми своей особы. Особу министра лицезрел весь Юго-Западный. Ликования особого, однако, не наблюдалось. Вразброд, без малейшего воодушевления войска, выстроенные для встречи высокого гостя, кричали привычное и положенное «Ура-а!», но никакого энтузиазма по поводу наступления не изъявляли.

Под Тарнополем и вовсе произошел конфуз. Гренадерский, Павловский, Финляндский полки — не армейская кобылка, гвардия! — вообще отказались приветствовать Керенского. Более того, общий митинг солдат 1-го гвардейского корпуса — восемь с половиной тысяч человек — вынес резолюцию, объявившую предстоящее наступление преступным.

Гвардейцев разоружили. Для этого, правда, командованию пришлось с недвусмысленной целью подтянуть к Тарнополю артиллерию.

И все же наступление, несколько раз переносимое, началось. Лишь 25 июня ценой огромных жертв русским войскам удалось прорвать кое-где линию обороны противника. Были взяты Галич и Калуш. На этом продвижение закончилось. Наступление захлебнулось. Хуже того — 6 июля противник сам перешел в контрнаступление, которое продолжалось две недели, взял Тарнополь и Черновицы. В результате была захвачена обширная территория Украины.

Преступная авантюра Временного правительства дорого обошлась России — Юго-Западный фронт потерял много тысяч убитыми, ранеными и пленными.

Возмущение трудящихся империалистской политикой Временного правительства и открытым переходом в лагерь буржуазии соглашателей вылилось в грандиозные стихийные демонстрации. Маски были сорваны. Правительство, отбросив демагогические разглагольствования, ответило трудовому народу

вполне в духе свергнутого, но еще здравствующего Николая Кровавого — пулями. В Петрограде в июльские дни была убита и ранена не одна сотня человек. Ружейные залпы и пулеметные очереди по революционным рабочим, матросам и солдатам означали конец двоевластия. Надежды на мирное развитие революции развеялись. Нужно было перестраивать силы и стойко готовиться к вооруженному восстанию.

Шестой съезд РСДРП(б), созданный нелегально и проходивший в Петрограде с 26 июля по 3 августа, в соответствии с предложениями В. И. Ленина временно снял лозунг «Вся власть Советам!» и нацелил партию на осуществление социалистической революции путем вооруженного свержения власти буржуазии.

Съезд обратился с Манифестом РСДРП(б) ко всем трудящимся, ко всем рабочим, крестьянам и солдатам России с призывом готовиться к новым битвам. Этот призыв ленинской партии дошел и до солдат на фронте. Армейские большевики делали все, чтобы довести смысл решений партийного съезда до каждого окопника. За большевиками были правда и неутомимый ход истории, за Временным правительством — пока вооруженная сила, к которой оно прибегало теперь как к решающему аргументу по любому поводу. Не только на фронте, даже в тылу была снова введена смертная казнь.

Сами реакционные силы в стране уже готовились установить военную диктатуру. Центром контрреволюционного заговора стала ставка во главе с генералом Корниловым, назначенным, невзирая на провал наступления, верховным главнокомандующим. Активным его единомышленником был новый командующий войсками Юго-Западного фронта — генерал Деникин.

Когда известие об июльских событиях в столице достигло Юго-Западного фронта, в частях прокатилась волна стихийных митингов. Солдаты протестовали против расстрела петроградских рабочих, введения смертной казни, продолжения кровопролитной войны.

Особенно сильное возбуждение охватило 1-й Туркестанский корпус, в тылу которого стояла 6-я кавалерийская дивизия. Председателем армейского комитета туркестанцев был питерский рабочий-печатник, большевик с 1910 года, Григорий Разживин.

Руководители обоих солдатских комитетов — туркестанцев и драгун — встречались в эти дни регулярно и достаточно часто. Разживин сразу оценил способность Киквидзе поднять за собой солдат, его личную храбрость и преданность революции. Киквидзе в свою очередь признавал и уважал политический опыт Разживина, его знание законов классовой борьбы, умение правильно разобраться в быстро меняющейся обстановке. Случалось, Киквидзе увлекал Разживина своим неудержимым порывом, но нередко бывало и наоборот — Разживин мудро и трезво остужал пыл своего молодого друга, когда того уж очень заносило.

Узнав о волнениях среди туркестанцев, комиссар Юго-Западного фронта Ф. Линде распорядился зачинщиков, и в первую очередь председателя корпусного комитета Разживина, арестовать. Солдаты отказались выполнить это распоряжение. Тогда Линде приказал двинуть против непокорных туркестанцев драгун.

К этому времени Киквидзе уже прочно усвоил истину: о любом событии он, один из руководителей солдатского комитета, должен узнавать не позже, а раньше, нежели начальник дивизии генерал Залес-

ский. Это мнение полностью разделяли и дивизионные связисты. В результате о приказе комиссара Временного правительства Васо стало известно, как только телеграфисты этот приказ приняли.

Киквидзе немедленно созвал митинг и рассказал драгунам, что их хотят использовать в качестве карателей. Дивизия забурлила:

— Не станем убивать братьев-туркестанцев!

— Долой комиссара Линде и генералов!

— Мы не полицейские и не палачи!

После страстной речи Киквидзе солдаты 6-й дивизии категорически отказались идти в карательную экспедицию. На этом же митинге Киквидзе был единодушно избран председателем дивизионного солдатского комитета.

Начальнику дивизии ничего не оставалось, как доложить Линде о неповиновении солдат.

Тогда правительственный комиссар на легковой машине в сопровождении двух броневиков ринулся в Луцк, где располагался штаб 1-го Туркестанского корпуса. Человек болезненно возбудимый, самоуверенный и самонадеянный, он был убежден, что своим красноречием сумеет изменить настроение солдатских масс. Дерзость неуправляемого истерика, азарт зарвавшегося карточного игрока швырнули Линде в конце концов навстречу собственной гибели.

Бывшего студента Юрьевского университета, эсера Федора Линде Февральская революция застала вольноопределяющимся лейб-гвардии Финляндского полка. Революционные события подняли его, как и другого эсера — Керенского, на гребень волны, сделали заметной фигурой на эсеровском небосклоне. Вчерашний «вольнопер» стал правительственным комиссаром, вершителем — как ему казалось — судеб

тысяч людей. Было от чего закружиться не очень крепкой голове одного из близких соратников другого всероссийского калифа на час. В подражание своему кумиру Керенскому, Линде сшил себе френч и бриджи, надел желтые ботинки с крагами. Был молодежав, криклив, заносчив. Подобно Керенскому, любил закатывать длинные, на пронзительной истерической ноте речи, но, в отличие от военного министра, говорил с заметным немецким акцентом, что оказывало ему плохую услугу. Особенно когда Линде садился на своего любимого конька, изобличая большевиков как немецких шпионов. Солдаты терпеть не могли Линде, презирали его и офицеры, не без основания полагая комиссара наглецом и выскочкой.

Когда Линде выехал в Луцк, представители 20-й и 46-й дивизий заявили, что если правительственный комиссар примет репрессивные меры против туркестанцев и драгун, то они снимутся с фронта и придут к ним на помощь.

Между тем в Луцке срочно собралось совещание командного состава, на которое вызвали также Разживина и Киквидзе. Они сидели рядом, перекидываясь изредка отрывочными репликами. Офицеры штаба держались от них в стороне, однако явной неприязни не выказывали. Визит комиссара мог привести к самым неожиданным последствиям, это понимали все.

Линде не вошел, а влетел в комнату. И сразу почти в крик. Глаза его возбужденно блестели, пронзительный голос то и дело срывался на непристойный фальцет. Не выбирая выражений, в самом оскорбительном тоне Линде потребовал от Разживина прекращения антивоенной пропаганды и немедленного выполнения приказов командования.

Разживин, спокойный, выдержанный, плевать хотел на комиссарову истерику. Поднялся неспешно со стула, чтобы дать достойную отповедь полномочному представителю Керенского. Не успел... Василий Киквидзе, рванув шашку из кованых медью ножен, кинулся в ярости на Линде. Вскочили офицеры со своих мест, схватились за кобуры наганов. Разживин, кроя всех и вся густой солдатской вязью, повис на плечах друга. Разразился неимоверный скандал. Вбежавшая в комнату охрана с трудом прекратила начавшуюся свалку. Совещание, конечно, было сорвано.

Разживин увел, точнее, уволок Киквидзе из штаба. По улице шли, ругательски ругая друг друга. Потом остановились, помянули Линде в последний раз и расхохотались.

— А все-таки зря ты мне не дал срубить этого комиссарика! — уже с беззлобным сожалением сказал Киквидзе.

...Пройдет совсем немного времени, и — уже в августе — комиссар Линде вместе с генералом Гиришфельдтом будет убит солдатами взбунтовавшегося 444-го полка. Комиссара буквально растерзают после того, как он обрушит грубую брань и угрозы на окопников, не желающих больше понапрасну проливать свою кровь. Линде погибнет на глазах сопровождавшего его с охраной генерала Краснова.

Всего лишь один раз — тогда, на несостоявшемся заседании в Луцке, — видел Киквидзе вблизи статного генерала в казачьей форме с застывшими фарфоровыми глазами на породистом худощавом лице. Своего главного врага в уже недалеком восемнадцатом году.

Петр Краснов...

Будущий атаман Всевеликого войска донского, он

переживет многих вождей белой гвардии, вынырнет из эмигрантского небытия и еще придет на русскую землю. Следом за гитлеровскими захватчиками. «Атаман» будет облачен не в старинную казачью форму, а в серо-зеленый немецкий мундир с фашистским орлом над правым карманом и... царскими генеральскими погонами на плечах. Лихую барашковую папаху сменит фуражка с высокой тульей, трехцветную кокарду — орел со свастикой в когтях. Эволюция страшная и закономерная, ибо измена родине никогда не бывает случайностью. Не каждый белый генерал при всей своей ненависти к революции оказался бы способен на то, на что решился Краснов.

Уже в июле 1918 года «правитель» Донской области отправил кайзеру Вильгельму II секретное письмо, которое, став известным, вызвало возмущение даже у такого ярого врага Советской власти и сторонника монархии, каким был бывший председатель Государственной думы Родзянко. В письме к Вильгельму Краснов фактически брал на себя обязательство за материальную помощь и политическую поддержку превратить Область Всевеликого войска донского (в которое включал он, между прочим, также Таганрог, Камышин, Царицын, Воронеж, Лиски и Поворино) в вассальное государство германских империалистов, а проще — в немецкую полуколонию.

Это он, Петр Краснов, многолетний консультант гитлеровской разведки, попытается собрать для фюрера «третьего рейха» антисоветское казачье войско. Ему удастся сколотить из белоэмигрантов и изменников родины так называемый «казачий стан», не снискавший воинских лавров на поле боя, но оставивший кровавый след в белорусских деревнях и се-

лениях Северной Италии, куда бросало красноармейских палачей фашистское командование в качестве карателей.

Не тронули в семнадцатом году солдаты казачьего генерала. Тридцать лет спустя — в январе сорок седьмого — за тяжчайшие преступления против Советской страны Петр Краснов был повешен по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

...Нет, ничем не запомнился при их первой и единственной встрече в Луцке Петр Краснов Василию Киквидзе. Да и генерал едва ли обратил внимание на молодого грузина-вольнотерпящегося. Но через год атаман Краснов будет нервно вздрагивать при одном лишь упоминании его фамилии — Киквидзе.

Тогда, в августе семнадцатого, Васо волновало другое: после убийства Линде и генерала Гиршфельдта командование решило жестоко расправиться с мятежными солдатами. С этой целью к Луцку стали подтягивать надежные части казаков — кавалеристов и пластунов. Когда об этом узнали солдаты 6-й кавалерийской и других дивизий, они прямо заявили, что если суд над пехотинцами состоится, то они снимутся с позиций и прибудут в Луцк на выручку своих товарищей. Суд так и не состоялся.

Эти события совпали с тревожными днями корниловского мятежа. Хорошо известно, как была разгромлена, буквально в течение нескольких дней, корниловщина. Разгромлена революционным народом, поднявшимся для спасения революции, а не для поддержки Временного правительства, фактически попустительствовавшего генералам-заговорщикам.

Киквидзе носится из полка в полк, из эскадрона в эскадрон, организует солдат на отпор генеральской авантюре. Юго-Западный Корнилова не поддержал. В распоряжение мятежников Деникин смог тайно

послать лишь сорок офицеров, но и те к Корнилову не попали — были своевременно перехвачены и арестованы.

Уже 29 августа Исполком фронта телеграфировал в Петроград: «Благодаря всеобщей готовности пожертвовать жизнью для спасения революции... попытка штаба фронта содействовать авантуре Корнилова была парализована без всякого кровопролития».

В том, что кровопролития не случилось, заслуга была в первую очередь большевиков, проявивших, с одной стороны, выдержку, с другой — решительность.

Особенно напряженная обстановка сложилась в Бердичеве, где располагался штаб фронта. Здесь фронтовики, узнав об угрозе революции со стороны реакционно настроенного генералитета, разобрали оружие и двинулись из казарм на Лысой горе к ставке и резиденции командующего войсками Юго-Западного фронта Деникина. Среди них шел и большевик Медведовский, тот самый подпрапорщик, с которым Киквидзе познакомился на фронтовом съезде. Оренбургские казаки, охранявшие ставку, разбежались кто куда. Солдаты арестовали Деникина и других генералов. Корниловское гнездо на Юго-Западном фронте было обезврежено.

1 сентября Керенский провозгласил себя верховным главнокомандующим. Из страха перед возросшим влиянием большевиков он потребовал немедленно прекратить политическую борьбу в войсках. Керенский был заинтересован в полюбовном замировании дела Корнилова. Одним из проявлений этого странного великодушия был перевод в конце сентября Деникина и других генералов из бердичевской гауптвахты в городок Быхов, неподалеку от Могиле-

ва, где уже содержался в здании бывшей женской гимназии под охраной... лично преданных ему текинцев Корнилов. В ноябре они беспрепятственно бежали на Дон.

В октябре движение за немедленное окончание войны получило в частях Юго-Западного фронта такой размах, что бороться с ним командованию стало совершенно не под силу. Большевистский лозунг «Мир без аннексий и контрибуций!» пользовался огромным успехом. Вновь начались братания с немецкими и австрийскими солдатами. Всем было ясно: дни Временного правительства сочтены, хотя сообщения, поступавшие из Петрограда, Москвы, Киева, были порой сбивчивы и противоречивы.

На военных телеграфах царила суматоха. Рядовых и унтеров рот связи к аппаратам не подпускали. Шифровки принимали и отправляли только дежурные офицеры. Это уже само по себе говорило о многом.

— Что можно сделать? Думай! — тряс Киквидзе за плечо Еремина.

Кирилл Еремин был фельдфебелем телеграфной роты при штабе 25-го армейского корпуса. В сентябре и октябре он обеспечивал свой корпусной солдатский комитет, а также Разживина и Киквидзе свежей информацией, вообще-то адресованной не им, конечно, а командиру корпуса генералу Фогелю.

Еремин подумал и надумал. С помощью своего друга — механика коммутаторной — он подключил в линию дополнительный аппарат. Проблема своевременного получения информации, в том числе тщательно скрываемой от солдат, была решена. Более того, если требовалось, механик по указанию Кирилла мог отключить любую линию, прервав связь.

Все важные сведения Еремин немедленно пере-

давал Разживину. Связываться с Киквидзе было труднее. В крайних случаях Кирилл отправлялся в 6-ю кавдивизию в Дубно на своем мотоцикле «Клино», отобрать который у него почему-то никто не догадался.

В окопах еще ничего не знали об октябрьском перевороте, когда пришла шифровка от командующего фронтом. Офицеры забегали по коридорам в глубоком волнении, но солдаты оставались в полном неведении. Ничем не смог на сей раз помочь и всемогущий механик — при нем неотлучно сидел какой-то поручик. Тогда Еремин побежал к механикам железнодорожного телеграфного узла. Через несколько минут под мерный стук аппарата он собственными глазами прочитал сообщение о том, что в результате вооруженного восстания питерских рабочих, солдат и матросов Временное правительство низложено, власть принял на себя Второй Всероссийский съезд Советов, во главе нового революционного правительства — Совета Народных Комиссаров — стал товарищ Ульянов-Ленин.

Командование попыталось скрыть телеграмму от солдат, даже предписало арестовывать лиц, «распространяющих ложные сведения о падении правительства». Это была безнадежная затея. Солдатские массы встретили весть о революции с ликованием. В Луцке, Ровно, Дубно, других городах начали создаваться Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Солдаты стали брать в свои руки и командные военные посты: так, в Бердичеве они избрали начальником гарнизона Медведовского, в Дубно — Киквидзе.

В жизни Василия Киквидзе наступила новая полоса. Отныне он, солдатский вожак, становился одним из организаторов и командиров будущих воору-

женных сил революционного народа Советской России.

Всего восемь месяцев прошло с того дня, когда прибыл он на Юго-Западный фронт. Но какие это были месяцы в его жизни и жизни страны!

Еще предстояло прогреметь и навеки войти в историю комбригам и начдивам, рожденным самой революцией: Блюхеру, Буденному, Чапаеву, Котовскому, Фабрициусу, Федько, Азину...

Это они, вчерашние солдаты и унтер-офицеры, разобьют генералов, обладающих знаниями, многолетним командным опытом, не обойденных и военным дарованием. Все они, в том числе и Васо Киквидзе, прошли огромную политическую школу от Февраля к Октябрю.

Животворная сила идей революции, во главе которой шли большевики, пробудила в самой гуще народа силы богатырские. Пласты, залегавшие на многовековой глубине и поднятые на поверхность извержением революционного вулкана, обнажили такие самородные таланты, которые после огранки ленинской правдой засверкали бриллиантами первой величины. Уже тогда, на нелегком и непростом пути от Февраля к Октябрю, Ленин, большевистская партия не только вели борьбу за массы: пробуждались, раскрывались недюжинные способности и дарования личностей. В крестьянских армяках, рабочих спецовках, солдатских шинелях ждали своего звездного часа люди, которым предстояло стать созидателями Днепрогэса и Магнитки, организаторами первых совхозов и колхозов, дипломатами и учеными, наркомками и маршалами. Их родил сам народ, потому что нуждался в них. Одним из таких талантов, раскрытых революцией, был и Василий Киквидзе.

Кристалльное бескорыстие, личная безудержная

храбрость, готовность в любой момент прийти на помощь к товарищу, острый природный ум, способность слушать и видеть других, а не только себя, наконец, веселый, живой нрав — все эти качества привлекали к Киквидзе людей, они верили ему, готовы были идти за ним. Он обладал еще одним качеством, которое, не столь бросаясь в глаза, сыграло огромную роль в становлении Киквидзе-командира. Васо умел учиться у окружающих его людей, схватывать на лету все, что могло оказаться полезным, нужным, необходимым в его новом положении.

Крыленко, Разживин, Медведовский, Чудновский, Минин — каждый большевик, с которым встречался в эти дни и месяцы Киквидзе, оставлял в его душе и сердце неизгладимый след. Умел он вынести уроки из наблюдений и над другими людьми: Керенским, Линде, контрреволюционными генералами и офицерами. В их поведении, словах, делах раскрывались перед ним психология и мировоззрение тех, кто олицетворял старый мир, уходящий, но яростно цепляющийся за свои льготы и привилегии, теряющий власть, но не желающий отдать ее без боя.

И еще: не жалея сил для борьбы с войной несправедливой, несущей народу только горе и страдания, войной бесславной и бездарной, Васо Киквидзе извлекал из нее уроки военного дела, вырабатывал те навыки, которые такгодились ему позднее, когда он сам повел в бой сначала красногвардейские отряды, а затем и полки регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Гражданской войне предстояло родить новую тактику и стратегию военных действий, но опыт войны мировой не прошел бесследно для ее командиров. Одним из них предстояло стать и Василию Киквидзе. Очень скоро, всего через несколько недель...

Самым важным промышленным и политическим центром на обширной территории, по которой проходил Юго-Западный фронт, был Киев.

Украинская Центральная рада в Киеве к падению Временного правительства, с которым не ладила, отнеслась без особого сожаления, но, узнав о дальнейших успехах социалистической революции, уже 26 октября открыто встала на антинародные позиции и высказалась против перехода власти в руки Советов. Украинские большевики заявили о своем окончательном разрыве с Радой. В обращении к трудящимся Киевский большевистский ревком писал: «...Украинская Центральная рада, согласившись сразу, потом отказалась поддерживать нас в нашей борьбе за хлеб, мир и свободу для народа. Она выступила против власти рабочих и солдат, она предала рабочее освободительное движение... Рада обманула и нас, и вас, товарищи рабочие и солдаты.

Товарищи! Не доверяйте Украинской Центральной Раде, которая хочет победы контрреволюции и перехода власти к буржуазии».

В последние дни октября в Киеве развернулись бои. Сторонники Временного правительства были разбиты рабочими и революционными солдатами, но плодами их победы воспользовалась Центральная рада. Пока красногвардейцы «Арсенала» и других заводов громили контрреволюционных юнкеров, Рада стянула к Киеву верные ей войска и объявила себя высшей властью на Украине.

В то же время Генеральный секретариат Рады продолжал усиленно отзывать на Украину со всех фронтов украинские полки. Фактически это откры-

вало фронт германским империалистам, мешало Советской власти бороться за реализацию ленинского Декрета о мире.

Контрреволюционное командование Юго-Западного фронта, конечно, о подчинении Советскому правительству и не помышляло. Более того, оно попыталось снять с фронта и направить в Гатчину, откуда Керенский попробовал начать крестовый поход на Петроград, значительную группу войск. Армейские большевики вовремя узнали об этом распоряжении. Опытные агитаторы, немедленно направленные в полки, быстро разъяснили солдатам, для какого позорного дела их предназначают. Солдаты решили приказ ставки к исполнению не принимать.

Рада все больше погрязала в болоте предательства, почему и заслужила в народе прозвище «зрада», что означает по-украински «измена». Она наотрез отказалась пропустить через Украину революционные войска на Дон против белогвардейских отрядов генерала Каледина. В то же время Рада беспрепятственно пропускала туда контрреволюционные казачьи части. На Дону стал складываться один из главных центров белой армии, сыгравший в скором будущем ключевую роль в развязывании гражданской войны.

Антанта и контрреволюционное командование обоих фронтов, проходивших по украинской земле,— Юго-Западного и Румынского — поддержали эту политику Генерального секретариата Центральной рады, поскольку они ни Советскую власть, ни Декрет о мире не признали. Одновременно Рада при поддержке генералов стала разоружать отряды Красной гвардии и революционные части и высылать их за пределы Украины.

Эту политику поддерживали меньшевики и эсеры, еще верховодившие в армейских исполкомах, которые продолжали существовать наряду с новыми военно-революционными комитетами, которыми руководили большевики и немногие сочувствующие им левые эсеры. Подавляющее большинство солдат безоговорочно признавало только Советскую власть. Это подтвердил и Чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта, собравшийся 18 ноября в Бердичеве.

Съезд проходил бурно. Большинство делегатов, правда не абсолютное, шло за большевиками и поддерживавшими тогда их левыми эсерами (некоторые из последних позднее порвали со своей партией и вступили в РКП(б)), но тем крикливее вели себя меньшевики, эсеры и украинские националисты. Борьба особенно обострилась, когда делегатам стало известно, что Петлюра приказал всем украинизированным частям, находящимся вне пределов Украины, не выполнять приказов Советского правительства. Затем пришло сообщение, что под предлогом обороны Киева Генеральный секретариат Рады с согласия верховного главнокомандующего генерала Духонина принял решение объединить Юго-Западный и Румынский фронты в один «Украинский фронт» под командованием махрового контрреволюционера генерала Щербачева. Это решение, в частности, преследовало цель — сорвать принятие съездом постановления, обязательного для командующего Юго-Западным фронтом генерала Володченко, немедленно заключить перемирие по всему фронту.

Когда съезд приступил к обсуждению вопроса о признании Совнаркома во главе с Лениным единственным законным правительством, в зале началось нечто невыразимое. Меньшевики и эсеры (среди них был специально приехавший из Петрограда член ЦК

партии эсеров Авксентьев) подняли несусветный гвалт, пытаясь изобразить Советское правительство как кучку «узурпаторов и немецких шпионов». Этой подлой клевете уже давно никто не верил, однако соглашатели рассчитывали, что при голосовании резолюции им удастся заручиться хотя бы незначительным большинством из числа наименее сознательных солдат, чтобы протащить свои резолюции. И многое тут зависело от того, как поведут себя левые эсеры, отражавшие позиции довольно значительного слоя революционных солдат из крестьян.

Для Василия Киквидзе проблемы выбора не существовало. Выступив на съезде от фракции левых эсеров, он решительно заявил, что по всем вопросам полностью солидаризируется с большевиками. Говорил он, как всегда, горячо и убедительно, приводя доводы не только сердца, но и разума. В результате его речи в рядах эсеров произошел раскол. Левые эсеры поддержали Киквидзе и по всем пунктам голосовали вместе с большевиками. Авксентьев попытался было примирить обе эсеровские группировки, но это ему не удалось, и он предпочел вообще покинуть съезд. В Военно-революционный комитет было избрано 35 человек, в том числе 18 большевиков и 5 левых эсеров. Председателем ВРК стал Г. Разживин.

Военно-революционный комитет взял власть на Юго-Западном фронте. В приказе № 1 по войскам фронта ВРК хотя и выразил согласие работать в контакте с Украинской радой (это было необходимо, поскольку еще не все рядовые солдаты-украинцы раскусили ее антинародный характер), но безоговорочно и твердо заявил:

«Только власть Совета Народных Комиссаров, ответственная перед Советом рабочих, солдатских и

крестьянских депутатов, является высшей властью в стране, а власть в армии — верховный главнокомандующий т. Крыленко».

Реакционные генералы, еще сохранявшие свои командные посты, не признавали ни Советского правительства, ни его первого главковерха большевика Н. Крыленко, по-прежнему они считались только с приказами никакой реальной властью уже не обладавшей ставки Духонина. Поэтому приказ ВРК включал особый пункт по этому важному вопросу: «Ревком объявляет, что всякое противодействие или неисполнение его распоряжений и распоряжений верховного главнокомандующего будет рассматриваться как преступление против революции и виновные в нем будут привлекаться к ответственности по всей строгости законов революции...»

Как показала жизнь, пункт этот оказался нелишним. Первым заступником старой ставки выступила Центральная рада. Она предложила перевести ставку из Могилева на территорию Украины, в Чернигов или Нежин, где было, как считали украинские националисты, «поспокойнее». Ставка, однако, не успела воспользоваться гостеприимством Центральной рады: она была разгромлена революционными солдатами и матросами, а сам Духонин убит.

Новому коллективному командованию фронта — ВРК — пришлось начать свою деятельность в очень сложной обстановке. Армия разваливалась. Рада и генералы умышленно дезорганизовывали управление соединениями, расформировывали революционные полки и дивизии. В то же время генеральный комиссар С. Петлюра сколачивал гайдамацкие «курени смерти». Из некоторых частей стали таинственно исчезать офицеры, в основном настроенные антисоветски. Потом они объявились у Корнилова и Деники-

на. Ревком пришел к справедливому выводу, что на старое командование больше полагаться нельзя. Повсеместно началась замена высшего комсостава. Командующим 7-й армией был избран сочувствующий большевикам офицер В. К. Триандафиллов, командиром 12-го армейского корпуса — подполковник большевик Н. Г. Крапивянский. Начальником 6-й кавдивизии стал вольноопределяющийся левый эсер В. И. Киквидзе.

Избрали на командную должность и Кирилла Еремина — он стал командиром телеграфной роты армейского корпуса, сменив на этом посту подполковника графа Шереметьева, ничего не понимающего в области связи, но большого специалиста по всему спиртному — от французского шампанского до бурякового самогона. В этой должности Еремин и прошел рядом с Киквидзе, а затем с его преемником Медведовским всю гражданскую войну.

Следом за фронтовым открылся съезд Особой армии, где Киквидзе также повел за собой делегатов — левых эсеров. И этот съезд полностью поддержал Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Ульяновым-Лениным и признал в качестве верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко. Председателем ВРК был избран один из активных участников октябрьского переворота и взятия Зимнего в Петрограде — большевик Григорий Чудновский.

Поняв, что с каждым днем власть уходит у них из рук, контрреволюционные офицеры стали готовиться к вооруженной борьбе. Активизировался и Петлюра: гайдамацкие отряды стали занимать прифронтовые города, в первую очередь узловые железнодорожные станции.

В начале декабря был захвачен и Бердичев, чей малочисленный гарнизон не смог оказать долж-

ного сопротивления гайдамакам. Это означало, что Центральная рада фактически начала открытую войну.

Развязывая военные действия, Рада не без оснований полагала, что получит финансовую и военнотехническую помощь Германии, а также стран Антанты. Не случайно в эти самые дни появились в Киеве и установили связь с Генеральным секретариатом их представители: французский генерал Табуи, англичанин Багге, американец Дженкинс, а также главы сербской, бельгийской, итальянской, румынской и даже японской военных миссий.

Контрреволюционная сущность Центральной рады день ото дня становилась все более очевидной для самых широких слоев трудового народа. Киевский Совет первым выпустил воззвание по поводу разгула националистической контрреволюции и призвал свергнуть господство панов по примеру русских братьев: «Настал час, когда и на Украине вся власть должна перейти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины».

В Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Полтаве, в Донбассе, в селах трудовой люд требовал созыва Всеукраинского съезда Советов и немедленного перехода всей власти в центре и на местах к Советам. Идею созыва Всеукраинского съезда поддержал ЦК большевистской партии, рабоче-крестьянское правительство Советской России и Владимир Ильич Ленин.

Съезд открылся 4 декабря 1917 года в Киеве в здании Купеческого собрания. «Вожди» Рады сделали все, чтобы растворить подлинных посланцев трудового народа Украины в толпе спешно созданных со всех губерний кулаков и подкулачников, националистически настроенной интеллигенции и гайдамац-

ких офицеров. Многие из них заявили в зал полупьяные, демонстративно выряженные в яркие свитки и смушковые шапки, с длинными шлыками, свисающими до плеч, с оружием в руках. Атмосфера в зале была настолько накаленной, что любой инцидент мог привести к прямой физической расправе над большевиками и их сторонниками.

В день открытия съезда Совет Народных Комиссаров обратился к украинскому народу с манифестом, написанным В. И. Лениным, и с ультимативными требованиями к Центральной раде. Советское правительство подтвердило, что оно признает право на самоопределение за всеми народами, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России, оно признавало народную Украинскую республику, национальные права и национальную независимость украинского народа без ограничений и безусловно. В то же время Совнарком потребовал от Рады прекратить дезорганизацию общего фронта, пропуск контрреволюционных войск на Дон, Урал и в другие места, разоружение советских войск и т. п.

Поначалу националисты скрыли от народа подлинный текст ленинского манифеста, но распустили о нем по всем базарам невероятнейшие небылицы, дабы только разжечь вражду к Советской России, ко всему русскому. Съезд перенесли в помещение оперного театра, гораздо большее, нежели зал Купеческого собрания. Это нужно было Винниченко и Петлюре, чтобы создать видимость поддержки их позиций еще большей толпой «народных представителей». Оба вождя украинских националистов выступили с лживыми шовинистическими речами. Контрреволюционное сборище в погромном раже одобрило деятельность Центральной рады и приняло ряд воз-

званий, в которых угрожало «стереть в порошок» большевиков, правительство Советской России, рабочих и беднейшее крестьянство Украины, стремившихся установить власть Советов. Справедливые требования Совнаркома были отвергнуты.

Делегаты Советов отказались принять участие в этой комедии, губительной для интересов пролетариата и беднейшего крестьянства. Они приняли решение: «...покинуть собрание, устроенное политиками из Центральной рады, и обратиться ко всем трудящимся Украины с разъяснением нашего отношения к этому положению и с решительным протестом против неслыханного насилия украинской буржуазии и ее прислужников из так называемых «социалистов» над полномочными органами революционной демократии Украины — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Делегаты съезда Советов нелегально покинули Киев и переехали в Харьков — самый крупный промышленный центр Украины, город с многотысячным отрядом революционного пролетариата. Здесь 11 декабря в доме бывшего Дворянского собрания и открылся не фальсифицированный, а подлинно представительный I Всеукраинский съезд Советов. Выражая волю народа, съезд объявил Украину республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд решил распространить на территорию Украинской республики декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства Российской Федерации и отменить постановления Рады, направленные против интересов рабочих и крестьян.

Избранный съездом ЦИК Советов Украины объявил Центральную раду низложенной и сформировал первое рабоче-крестьянское правительство — Народный секретариат.

Все эти события в Киеве и Харькове находили самый острый и непосредственный отклик на фронте. Провозглашение Советской власти на Украине большинством солдат встретило с ликованием. Но как действовать дальше — четко представляли не все.

Между тем следом за Бердичевом гайдамаки захватили штабы 11-й армии Юго-Западного, 4-й, 6-й и 8-й армий Румынского фронтов. ВРК решил срочно созвать в Ровно внеочередной фронтовой съезд, чтобы обсудить сложившееся положение и выработать программу борьбы с войсками Рады.

Прибыв в Ровно, Киквидзе разыскал в гостинице «Версаль» Разживина. Тот коротко проинформировал друга, что после явной измены командующего Юго-Западным фронтом генерала Володченко главком Крыленко подчинил войска Юго-Западного выборному командующему Западным фронтом большевику А. Ф. Мясникову.

Съезд открылся рано утром 30 декабря в скромном здании Ровенского городского театра. Обстановка была тревожной. В глубине души Киквидзе не был уверен, что съезд удастся провести до конца, очень уж быстро развивались военные действия. Накануне ВРК объявил Ровно на осадном положении, но эта правильная мера сама по себе не могла иметь серьезного значения — советских войск в городе почти не было, вряд ли они смогли бы дать отпор петлюровским частям.

В перерыве между заседаниями Киквидзе высмотрел в сизом от махорочного дыма зале Еремина, сунул ему смятый листок бумаги с наспех набросанными каракулями.

— Давай, Кириле, на телеграф,— велел он.— Срочно в 6-ю кавдивизию передай.

— Что случилось? — с тревогой спросил Еремин.

— Пока ничего, — ответил Киквидзе, — но вот-вот случится.

Он пояснил Еремину, что опасается налета гайдамаков. Перед отъездом в Ровно на всякий случай договорился со своим помощником, чтобы тот был готов по условной телеграмме выслать кавалеристов в Ровно.

Еремин бросил окурок в стоявшее в проходе ведро и поспешил было к двери, но тут его снова окликнули. На этот раз Григорий Разживин. Председатель ВРК вручил Кириллу телеграмму примерно того же содержания, что уже лежала у него в кармане гимнастерки. Только адресованную не в Дубно, а в Луцк, к туркестанцам.

На вокзале Еремин отстучал депеши с железнодорожного телеграфа и заскочил на минутку в станционный буфет чего-нибудь перекусить. И вдруг со стороны Грабника послышалась яростная ружейная пальба, потом пулеметные очереди. Через несколько минут, однако, все стихло.

Еремин кинулся на привокзальную площадь, но там все было спокойно. Стал звонить в театр — линия молчала.

Через несколько минут на вокзале появился его знакомый — механик автобронероты Ровенского гарнизона Сульковский, тоже член ВРК и делегат съезда.

— Гайдамаки в городе! — взволнованно крикнул Сульковский. — Театр захватили!

Меры предосторожности, предпринятые Разживиным и Киквидзе, оказались запоздалыми. Что именно произошло — стало известно позднее: командующий гайдамацкими частями полковник Оскилько собрал в Здолбунове, крупном железнодорожном узле неподалеку от Ровно, крупный отряд специально с целью

арестовать делегатов фронтового съезда. И ему это удалось. Стремительным броском конницы петлюровцы захватили город и арестовали часть делегатов съезда. Хорошо еще, что налет пришелся на обеденный перерыв, когда многие делегаты вышли в город.

Собрав солдат, находящихся на станции,— их набралось человек пятьдесят — и расставив у всех дверей и окон с оружием наготове, Еремин вернулся в аппаратную и попытался установить связь со штабом Мясникова. Безуспешно... Видимо, петлюровцы порвали телеграфные провода, отрезав Ровно от внешнего мира, потому что не откликались ни Луцк, ни Дубно.

Фыркая и чихая изношенным двигателем, у вокзальных дверей затормозил выдавший виды грузовик. Через борт ссыпалось человек пятнадцать — растерянных, возбужденных, лишь у некоторых были винтовки. Среди них Киквидзе и Разживин, внешне спокойные, но тоже явно обескураженные случившимся. Каким-то чудом этой группе удалось избежать ареста и прорваться на автомобиле к вокзалу.

— Сколько у тебя броневигов на ходу? — первым делом спросил Киквидзе Сульковского.

Подумав, механик ответил, что, пожалуй, вывести пять машин из гаража, если тот уже не захвачен, он сможет.

— Так выводи! — приказал Васо. — И подними всех солдат автороты, кого соберешь.

Сульковский бросился выполнять приказ — первый приказ, отданный Киквидзе в боевой обстановке. Вслед за механиком ушел и Еремин — его Киквидзе послал собирать солдат 25-го корпуса, которых предположительно могло находиться в городе человек двести пятьдесят.

Связи по-прежнему не было. Правда, еще до налета

та Еремин успел получить ответную телеграмму из Луцка, от командира 402-го пехотного полка Щербакова, тот сообщал, что готовит по приказу Разживина эшелон к отправке. Щербакова следовало немедленно предупредить, что город уже не под угрозой захвата, а захвачен. Навстречу туркестанцам отправился Разживин — в кабине маневрового паровоза.

Киквидзе вышел на пути, и, как оказалось, хорошо сделал. Выяснилось, что в полукилометре от станции стоял эшелон с демобилизованными солдатами различных частей, следующими домой. Большинство сохранили оружие: винтовки, карабины, наганы, гранаты, кое-кто припрятал под нары даже разобранные «максимы». Народ собрался хотя и неорганизованный, но обстрелянный и решительный. Теперь стало понятно, почему, захватив центр города, гайдамаки предпочли держаться подальше от станции.

Киквидзе пошел по вагонам: рассказывал о предательстве Рады, провозглашении Советской власти на Украине, событиях в городе, призывал солдат присоединяться к его отряду. Кое-кто мрачно отвечал, что с него хватит, навоевался досыта, иной просто отмалчивался. Но другие — таких оказалось больше — извлекали из-под нар оружие, привычно перепоясывались патронташами и выпрыгивали из дверей теплушек на запорошенную землю, поминая со всеми святыми Раду и гайдамаков.

Вернулся из гаража Сульковский — с пятью броневыми автомобилями и двумя грузовиками. Потом явился Еремин — этот привел около двухсот пехотинцев и две артиллерийские батареи под командованием Карпухина и Эрбо. Вместе с солдатами автобронероты пришло человек шестьдесят вооруженных ровенских рабочих.

Теперь Киквидзе располагал уже внушительной

силой — примерно восьмьюстами бойцами с броневиками и пушками. Но, прежде чем приступить к каким-либо действиям, следовало выяснить обстановку в городе. На разведку ушел все тот же Сульковский, у которого в Ровно было много родственников и знакомых.

Через час он позвонил на вокзал по телефону, который, к счастью, гайдамаки отключить не догадались. Сульковский рассказал, что петлюровцы перепились, грабят город, дебоширят. Несколько захваченных большевиков расстреляно. Он узнал также, что командиры гайдамаков полковники Оскилько и Сологуб намерены на следующий день устроить молебен в соборе по поводу захвата города, а потом заткать банкет в лучшем ровенском ресторане гостиницы «Версаль».

— То, что надо, — повеселел Киквидзе, — пьянка, гулянка...

Из доклада разведчика он понял самое важное: гайдамаки не подозревают, что в городе кроме демобилизованных, которых лучше не трогать, есть уже организованный отряд советских войск. На вокзал петлюровцы не сунутся. Этим просчетом панов полковников Киквидзе и решил воспользоваться.

Все наличные силы Васо разбил на три отряда. Первый под его командованием должен был незаметно сосредоточиться на западной окраине Ровно. Второй во главе с Ереминым — занять исходные позиции по обе стороны дороги от вокзала к центру. Третья группа, усиленная броневиками, должна была ворваться в центр следом за первыми двумя, поддержать их своим огнем и захватить тюрьму, чтобы освободить арестованных товарищей.

...Бой за освобождение города от гайдамаков, ожесточенный и кровопролитный, протекал первые часы

точно по намеченному плану. Он начался через полчаса после того, как колокольный звон возвестил о том, что торжественное богослужение закончилось. Дополнительные 30 минут Киквидзе выжидал, чтобы петлюровские офицеры, оставив свои подразделения, заняли места за ресторанными столиками. И все же гайдамаки, хоть и застигнутые врасплох, оказали сильное сопротивление. Сказалось и то, то у атакующих было мало боеприпасов.

К утру положение отряда Киквидзе стало угрожающим. Придя в себя, гайдамаки, используя численное превосходство и обилие боеприпасов, оттеснили красных бойцов на окраину. Но тут со стороны вокзала разнеслось могучее «Ура!»: густыми цепями, с винтовками наперевес, под прикрытием пулеметного огня в атаку на петлюровцев шли туркестанцы.

Это прибыло долгожданное подкрепление. Оно и решило исход боя. Гайдамаки были разгромлены, остатки их войск бежали.

Ровно снова стало советским.

Так состоялось боевое крещение Василия Киквидзе. Так начал свой легендарный путь его отряд — ядро будущей дивизии. Идти во главе его Василию Киквидзе предстояло двенадцать месяцев и одиннадцать дней...

Ровенский отряд

Утром 1 января 1918 года на привокзальную площадь Ровно потянулись тысячи горожан, жители близлежащих сел, рабочие железнодорожного узла, красногвардейцы, солдаты — участники боя.

Первым на наспех сколоченную трибуну поднялся Григорий Разживин, поздравил ровенцев с освобожд-

дением. Следом за Разживиным слово взял Киквидзе. Васо говорил медленно, тщательно отделяя слова, чтобы характерный кавказский акцент не мешал собравшимся понимать его. Слушали внимательно.

— Товарищи,— сказал Киквидзе,— я знаю; всех вас измучила война. Но нужно понять, что, кроме нас, у трудового народа нет других защитников. Я знаю, тяжело оставаться на военной службе, когда можно ехать домой. Но это необходимо, иначе погибнем. Я призываю вас выполнить свой долг и записаться в Красную гвардию для борьбы с врагами революции...

Прямо на площади приступили к записи, а затем произвели строевой расчет добровольцев. Принимали с отбором: в первую очередь отличившихся в бою за Ровно, тех, за кого могли поручиться товарищи как за верных бойцов революции.

В тот же день председатель ВРК Г. Разживин доносил главкому Н. Крыленко: «Из числа солдат Особой армии Юго-Западного фронта на добровольных началах организован Ровенский красногвардейский отряд в количестве 1500 человек. В него вошли коммунисты — рабочие города Ровно — 50 человек; из Туркестанского и 25-го корпусов — 1100 человек; 150 кавалеристов 13-го Орденского полка с конским составом и вооружением, автобронерота Юго-Западного фронта в полном составе, две полевые батареи Туркестанского корпуса в полном составе под командованием тт. Карпущина и Эрбо; 25 человек из 25-го инженерного полка. Командиром отряда избран Киквидзе».

Мало кто из бойцов отряда представлял тогда, что бой за Ровно — только первый, за которым последуют еще три года гражданской войны. Большинство полагало, что их пребывание в отряде продлится месяц-другой, пока не разгонят гайдамаков, а для этого

нужно идти на Киев, чтобы задать жару ненавистой Раде.

Киквидзе рассудил иначе. Ему стало известно, что полковник Оскилько стягивает в свою разбитую группу подкрепления и намеревается снова захватить Ровно. Причем петлюровцам удалось заручиться поддержкой белопольского отряда, расположенного в Сарнах. Стало быть, идти на Киев, по мнению Васо, было никак невозможно.

Отряд был только что сформирован из добровольцев, в большинстве старослужащих солдат, которым осточертело подчиняться чьим-либо приказам, если только они сами не признавали разумность этих приказов. Красная Армия едва зарождалась, старая воинская дисциплина испарилась, новая, сознательная дисциплина воинов народных вооруженных сил еще не родилась. Киквидзе был всего-навсего выборный командир, чья власть держалась лишь на согласии бойцов подчиняться ему, пока они того сами желают. Поэтому, дав бойцам три часа для отдыха, Киквидзе пришел к ним и не приказал, а предложил: выступить немедленно, но не на Киев, а на Сарны. Иначе гайдамаки захватят этот железнодорожный узел сами, объединят свои силы и отрежут красногвардейский отряд от всех центров. Доводы командира были убедительны, его поддержали все бойцы отряда. Больше Киквидзе уже никогда не требовалось прибегать к подобному митинговому способу командования. Бойцы поверили в него и выполняли все распоряжения без обсуждения, тем более прекословия.

Бой с гайдамаками состоялся утром 3 января близ станции Нелевичи, в семи верстах южнее Сарн, и провел его Киквидзе с военной точки зрения уже вполне грамотно, правильно учтя свои ровенские ошибки.

В частности, в критический момент боя он удачно инсценировал отход своей пехоты. Решив, что наступил момент развивать успех, Оскилько бросил в дело кавалерию. Ее разметали орудия батарей и бронепоезда, буквально за одни сутки приведенного в боевую готовность ровенскими рабочими и скрытно переброшенного к Нелевичам. А затем Киквидзе ударил по обнажившемуся левому флангу вражеской пехоты своей конницей, о наличии которой у него петлюровцы не подозревали.

Гайдамаки были разбиты, но не прошло и нескольких часов, как Киквидзе доложили о приближении со стороны местечка Бережницы немецкой пехоты и кавалерии.

Посоветовавшись с командирами, Киквидзе принял решение занять оборону на западной окраине Сарн, но огня не открывать до последнего момента.

— Чего с ними цацкаться? — шумел разгоряченный успехом Еремин. — Немцев мы не били, что ли?

— Не шуми, Кириле, — добродушно, но твердо осек друга Киквидзе, хрустя пшеничным сухарем. — У нас с немцем перемирие, или забыл? Мы первыми стрелять начнем — кайзеру руки развяжем. А ему, может, только того и надо. Понял? Погрызи лучше... — и он великодушно протянул Еремину половину сухаря.

...Цепи немецкой пехоты приблизились к замершей позиции красных бойцов на несколько сот метров. Шли с винтовками наперевес, четко печатая шаг, солдаты в касках, офицеры в шлемах с шишаками.

Киквидзе на своем командном посту молча взирал на этот грозный парад. Внезапно запищал комариным пискom полевой аппарат — Карпухин просил разрешения обеими батареями открыть огонь.

— Рано! — только и бросил в ответ Васо, стирая ладонью пот с взмокшего лба.

Все ближе немцы, уже видны погоны офицеров... Теперь Киквидзе и сам протянул руку к аппарату. И вдруг они встали как вкопанные, круто развернулись и тем же четким размеренным шагом двинулись обратно.

Германское командование не решилось нарушить перемирие, а сбить красных бойцов с позиций без выстрела не удалось.

Все ликовали. Доволен был и Киквидзе, что хватило выдержки не поддаться на провокацию.

В бою с гайдамаками Васо получил первую — в руку — из своих тринадцати ран. Если разложить на год с небольшим, то выйдет, что ранило его каждый месяц. И ни разу он не покидал строй. До той, последней пули...

Оставив в Сарнах кавалерию — для прикрытия эвакуации войск фронта, — Киквидзе по распоряжению ревкома вернулся с отрядом в Ровно. Тут он узнал, что Чрезвычайный съезд, завершив свою прерванную петлюровским налетом работу, постановил отвести войсковые части с оружием в глубь страны.

Но Василий Киквидзе провел еще один бой — его отряды стремительным броском, смяв гайдамацкие заслоны, захватили Житомир. Вслед за Житомиром был освобожден и Бердичев, куда переехали ВРК и полевой штаб Юго-Западного фронта. Ровенский отряд к этому времени насчитывал уже свыше пяти тысяч человек.

Киквидзе и Разживин хорошо понимали, что такими силами немецкого наступления не остановить. Перед ними стояла другая задача — удерживать Бердичев до тех пор, пока не будет завершена орга-

низованная эвакуация Юго-Западного фронта. Круглые сутки стучали по стыкам рельсов узловой станции эшелоны, вывозя оружие, боеприпасы, военное снаряжение. Ни один вагон с этим имуществом не должен был попасть в руки немцев или гайдамаков.

Только проводив последний состав, Киквидзе отдал приказ отходить на Киев, освобожденный 26 января советскими войсками. 30 января в Киев переехало Украинское советское правительство. Центральная рада, навек запятнавшая себя кровавой расправой с восставшими рабочими «Арсенала», бежала на Волынь. Она обосновалась по иронии судьбы в том самом Житомире, который незадолго до этого оставили отряды Киквидзе после того, как до конца выполнили свою задачу.

Почти месяц, непрерывно отражая нападения мелких подразделений петлюровцев, отряд Киквидзе продвигался к Киеву, чтобы вступить здесь в бой с новым, куда более сильным и опасным врагом — войсками кайзеровской Германии.

После заключения Брестского мира продвижение австро-германских войск в пределах Советской России прекратилось, но на Украине, воспользовавшись сговором, заключенным с Центральной радой, оккупанты продолжали наступать. Триста тысяч отборных солдат бросило австро-германское командование на Украину.

По призыву Советского правительства Украинской республики народ повсюду поднимался на самоотверженную борьбу с превосходящими силами врага, чтобы задержать его продвижение в глубь страны. В обозе оккупантов двигалась и окончательно продавшаяся Центральная рада, кое-как сохранившая

с помощью немецких подачек свое жовто-блакитное воинство.

Около недели Ровенский отряд вел бои с наступающими гайдамаками на подступах к Киеву в районе Волынского поста в треугольнике железных дорог. Здесь в его ряды влилась большая группа киевских рабочих, а также чехов и словаков — бывших военнопленных австрийской армии. Из них был потом сформирован Чехословацкий отряд. А когда к Киквидзе пришли немецкие, австрийские, китайские, венгерские, польские добровольцы, Чехословацкий отряд был преобразован в Интернациональный полк.

Пятнадцать раз Ровенский отряд поднимался в атаку, отбрасывая врага яростным штыковым ударом. В одной из схваток Киквидзе снова был ранен, и снова в руку.

Виталий Примаков, прославленный герой гражданской войны, в десятую годовщину Красной Армии вспоминал об этих боях:

«Небольшого роста, энергичный, подвижный, весь — огонь и порыв, Киквидзе поспевал везде: и на линии фронта, и в деле формирования пополнений — слышалась его гортанная речь, гремело горячее слово. Две дивизии немецкой пехоты и отряды петлюровцев подошли к Киеву. Приходилось отступать. Мой отряд и отряд Киквидзе были назначены в арьергард — прикрывать отступление. Пять дней мы удерживали переправу на Днепре, пока наша армия не прошла к Ромодану и пока немцы не установили на киевских высотах тяжелые батареи. Эти пять дней и ночей жарких боев научили меня уважать Киквидзе. Спокойный перед лицом смерти, он был подвижен как ртуть и везде поспевал на своей лошади. Когда положение стало совершенно невыносимым, мы решили отойти».

Только после того, как 1 марта была закончена эвакуация ценного военного имущества из Киева, Киквидзе приказал красногвардейцам отойти на левый берег Днепра. Под прикрытием ночной темноты, в полном молчании киквидзевцы переходили великую реку. У некоторых на глазах блестели слезы. В городе стояла тишина, лишь изредка нарушаемая случайными ружейными выстрелами и собачьим лаем. Трудно было смириться с мыслью, что утром в Киев войдут оккупанты. Но никто не сомневался — в скором времени древний русский город снова будет освобожден.

На станции в Дарнице, где скопилось большое количество разных воинских эшелонов, царила суматоха и неразбериха. И тут, на забитом мятущимися людьми перроне, Еремин впервые увидел обычно спокойного Киквидзе в ярости. Вид у Васо был страшный: воспаленные глаза горели, левая рука в пропитанном кровью рукаве подвешена на ремне, в правой — маузер...

С помощью подоспевших Медведовского, Клименко, других командиров Киквидзе пресек панику и навел порядок. Только после этого позволил увести себя в станционный медпункт. Миновали сутки, как Васо был ранен, но настоящей помощи ему еще так и не было оказано. Он потерял много крови и теперь, после бурной сцены на перроне, едва держался на ногах.

Вынуть руку из насквозь пропитанного кровью и замерзшего рукава оказалось невозможно. Молоденькая сестра милосердия с трудом разрешила шинель и гимнастерку, извлекла руку и стала осторожно ее обмывать. Увидев красную опухоль вокруг раны, девушка перепугалась, предложила послать за врачом, так как была угроза заражения.

Киквидзе, морщась от боли, приказал:

— Какой тут врач... Некогда, сама режь...

Он произнес «некогда» и «режь» с кавказским акцентом, который всегда пробивался у него в минуты волнения.

Сестра послушно обработала рану сама. Когда же закончила и подняла испуганные глаза, то обомлела: Киквидзе спал непробудным сном смертельно уставшего человека.

Часа через три Васо проснулся, вышел на перрон. Стояло на редкость ясное утро. Вдали, за Днепром, ослепительно сияли на солнце купола Киево-Печерской лавры. Правее, на Владимирской горке, отчетливо выделялся громадный памятник князю Владимиру с крестом в поднятой руке.

Осторожно умывшись снегом, Киквидзе долго смотрел на красавец город, в котором за неделю боев он так и не побывал. К нему подошел незнакомый командир, осведомившись, точно ли он Киквидзе, пригласил пройти в стоявший на пути правительственный вагон. Васо встретила моложавая на вид, милостивая женщина с волевым лицом и твердым взглядом строгих серых глаз. Это была Евгения Богдановна Бош, один из народных секретарей Украинской республики и председатель областного комитета большевиков Юго-Западного края. В вагоне уже собрались другие ровенские командиры: Разживин, Медведовский, Чайковский.

От имени правительства республики Евгения Бош поблагодарила всех членов ВРК за их боевую деятельность. В ходе совещания его участники пришли к выводу, что ВРК и полевой штаб Юго-Западного фронта свои функции выполнили и надобность в их дальнейшем существовании отпала.

4 марта в Харькове для организации планомер-

ных боевых действий против германо-австрийских интервентов было создано Главное командование советских войск на Украине. Командующим был назначен один из руководителей штурма Зимнего дворца, человек, арестовавший Временное правительство, Владимир Александрович Антонов-Овсеенко.

В марте 1918 года усилиями нового Главного командования все разрозненные советские отряды, действовавшие на фронте от Бахмача до Черного моря, были сведены в пять армий, общей численностью всего-навсего в 20 тысяч бойцов. В составе этих армий сражались геройский Луганский отряд Клима Ворошилова, Харьковский — Николая Руднева, конники Григория Котовского, червонные казаки Виталия Примакова, бойцы группы Рудольфа Сиверса и многие другие.

По приказу Антонова-Овсеенко в подчинение Киквидзе были переданы отряды Чудновского и Ауссема. Эта группировка войск послужила основой 4-й армии.

Приказ Антонова-Овсеенко, полученный Киквидзе 9 марта, гласил: удерживать Гребенку как можно дольше, чтобы не дать немцам выровнять фронт по железной дороге Гомель — Черкассы, и вывести из-под удара красные отряды в Золотоноше и Бахмаче. Главком рекомендовал: «Действуйте налетами, обходами, партизанскими группами, мужицкой войной».

Киквидзе так и действовал...

Посланные Антоновым-Овсеенко подкрепления опоздали, но все же почти неделю киквидзевцы и экипаж бронепоезда под командованием легендарной Людмилы Макиевской сдерживали натиск превосходящих сил немцев, обеспечивая эвакуацию

Гребенки. В последней контратаке Киквидзе и его помощник Медведовский были легко ранены одной и той же пулей.

После двух недель непрерывных боев Киквидзе отвел свой сильно поредевший отряд к Полтаве.

Короткую передышку Василий Исидорович (Васо его теперь называли только несколько старых друзей, да и то не на людях) использовал, чтобы дать небольшой отдых бойцам, поднять их настроение перед новыми боями. Как-то, проезжая во главе эскадрона орденцев мимо старой шведской могилы, Киквидзе, взмахнув плетью, громко сказал:

— Тут, на этом месте, предки наши остановили уже однажды незваных чужеземных гостей. Наша задача, товарищи, подготовить для немцев не одну такую могилу! И мы это сделаем! Пусть знают враги, как ходить на нашу землю!

Однажды на окраине города приземлились два советских самолета. Все отправились туда. Самолеты оказались старыми, латаными-перелатаными английского происхождения истребителями «ньюпор». Возле них прохаживались летчики — молодые статные ребята, с ног до головы одетые в кожу, с большими очками-консервами на круглых шлемах. Под ногами мельтешили, визжа от восторга, должно быть, все мальчишки Полтавы.

Завидев подходивших командиров, летчики побросали сигарки и представились. Это были прославленные впоследствии герои гражданской войны, удостоенные соответственно трех и двух орденов Красного Знамени, — И. У. Павлов и А. К. Петренко.

Киквидзе расцеловал обоих пилотов, с любопытством осмотрел, покачивая головой, самолеты, спросил, чем может быть полезен. Петренко передал Киквидзе пакет и от имени своего командира изло-

жил просьбу — помочь бензином, спиртом и... касторкой.

Василий Исидорович оторопел:

— Бензин — без него самолет не летает, спирт — тоже понимаю, без него летчику летать скучно, скажи — для чего касторка нужна? Животом болеете?

Летчики долго смеялись. Объяснили, что спирт и касторка нужны им не для личного пользования. Просто по тем временам эти продукты представляли из себя ценные ГСМ — горюче-смазочные материалы.

Теперь настала очередь смеяться Киквидзе. Отсмеявшись, приказал: выделить авиаотряду из взятых трофеев 300 пудов бензина и 50 пудов спирта. Надо сказать, что Киквидзе, чьим любимым литературным героем был Рахметов, придерживался почти аскетических правил: мало ел, не курил, в рот не брал спиртного. Пьянства не терпел, весь попадающий в отряд спирт шел только в медсанчасть, поэтому с излишком этой жидкости Киквидзе расставался без малейшего сожаления.

Сложнее оказалось с касторкой. Таковой среди трофеев не было. Тогда Киквидзе самолично отправился с летчиками в город, обошел аптеки и больницы и реквизировал именем революции всю имевшуюся в наличии касторку, заметив при этом, что, поскольку ожидаются сильные бои, можно обойтись и без слабительного.

Летчик Петренко впоследствии еще не раз прилетал к Киквидзе (уже в дивизию), выполнял по его заданиям разведывательные полеты над территорией противника.

...Под Полтавой сильные бои не состоялись. 29 марта обескровленные советские войска перед уг-

розой полного уничтожения превосходящими силами интервентов, взорвав мосты, переправы и водокачки, оставили город и перешли на левый берег Воркслы.

Цель продолжающегося немецкого наступления была очевидна — Харьков с его крупнейшими заводами и главным железнодорожным узлом всего юга России.

Утратив связь с соединениями своих соседей — Р. Ф. Сиверса и Г. К. Петрова, Киквидзе принял решение оборонять Харьков со стороны Богодухова. В предыдущих боях 4-я армия потеряла почти половину бойцов, последние дни сражались чуть ли не в полном окружении. Киквидзе поставил в строй всех ездовых и поваров, легкораненые вернулись сами.

Тяжелые потери понесли и другие советские части. Получил контузию и едва не погиб опытный командир Григорий Петров, в прошлом прапорщик, в будущем один из двадцати шести бакинских комиссаров. Пал в бою Григорий Чудновский, герой штурма Зимнего, делегат Второго Всероссийского съезда Советов. С группой бойцов Григорий оказался в окружении. Они отстреливались пять часов. Расстреляв все патроны, Чудновский последнюю пулю пустил себе в сердце...

Снова — опять в руку! — был ранен Киквидзе, когда под Богодуховом лично повел в атаку бойцов.

Много лет спустя В. А. Антонов-Овсеенко писал: «Положение... было критическим. Свежих надежных частей в Харькове почти не было. Примаков взывал о помощи. Киквидзе, раненный в руку, оставался в строю, энергично понукая к борьбе свой распатавшийся отряд».

8 апреля с северо-восточной, наименее защищенной стороны немецкие войска ворвались в Харьков.

Однако упорное сопротивление на подступах к городу отрядов Василия Киквидзе, Николая Руднева, 1-го Луганского и других позволило эвакуировать из него все ценное оборудование.

В боях за Гребенку, Полтаву, Харьков вскрылись и весьма существенные недостатки В. Киквидзе, впрочем присущие тогда и многим другим командирам Красной Армии. Он не ладил с воинской дисциплиной, проявлял своеволие, дело доходило до того, что, случалось, Киквидзе отказывался подчиняться приказам главнокомандующего, если они его не устраивали. Так, в частности, отказался он перейти в подчинение к другому командиру, когда этого требовала обстановка на фронте.

«Ответ его был столь резок,— вспоминал Антонов-Овсеенко,— что я продиктовал телеграмму, предлагающую Киквидзе немедленно сдать отряд и удалиться с фронта. Но тотчас же отменил отправку этого приказа: Киквидзе как-никак был храбрейший из наших командиров и держал в безусловном подчинении довольно крупный отряд».

Надо отдать должное Киквидзе — молодой командир сумел сделать правильные выводы из этого и некоторых иных подобных случаев. Киквидзе пересилил себя, свой буйный нрав и в поразительно короткий срок из нарушителей дисциплины стал ее самым горячим поборником. Более того, когда в армии почти повсеместно еще царили партизанщина и митингование, Киквидзе сумел подчинить своей воле и воинской дисциплине части, которыми он командовал, что по справедливости отметил Антонов-Овсеенко. Очень скоро это отметит как особую заслугу Киквидзе и другой нарком — Подвойский.

...К началу мая 1918 года почти вся Украина оказалась под пятой оккупантов.

По приказу Главного командования отряд Киквидзе с целью сохранения личного состава и переформирования был отведен на территорию Советской России, в Тамбов.

«Я, сын трудового народа...»

Маленький, провинциальный, скучный Тамбов. Ничем не примечательный в остальные времена года, сейчас он поразил яркой, не опаленной войной зеленью, буйным цветением сирени, спокойным, десятилетиями устоявшимся бытом. Казалось, что жизнь здесь замерла давным-давно, не было ни империалистической войны, ни революции, ни интервенции.

Но так только казалось на первый взгляд бойцам и командирам, вдруг и сразу перенесенным из немолчного четырехмесячного сражения в мирный, обойденный войной сытый городок. На самом деле (и Киквидзе это быстро понял) обстановка в Тамбове была далеко не простой и вовсе не безмятежной. Чуть ли не половина членов губисполкома, встретивших приход армии весьма неприветливо, состояла из меньшевиков и эсеров. В окрестных селах было множество кулачья, даже не скрывавшего своего антисоветского настроения. Город наводняли бывшие царские офицеры, они вели контрреволюционную пропаганду в благодатной для этого среде тамбовской буржуазии и зажиточных обывателей, плели паутину заговоров и мятежей. В окрестностях Тамбова орудовали банды. Сформированный недавно 1-й Тамбовский социалистический полк был сильно засорен кулацкими элементами, многие командные посты в нем занимали бывшие офицеры.

Всей этой публике прибытие в город закаленного в боях, сплоченного воинского соединения, конечно, пришлось не по душе. Зато с какой радостью встречал бойцов трудовой люд Тамбова, рабочие пороховых заводов Кандауровки, солдаты преданного Советской власти 1-го Тамбовского артиллерийского дивизиона.

Разобравшись в сложной ситуации, Киквидзе заявил на совещании комсостава:

— Мы здесь не хозяева, а гости. Так покажем себя на деле хорошими гостями, заслужим авторитет у хозяев.

На следующий день тамбовцы стали свидетелями зрелища, которого они не видели с довоенных лет: по городским улицам, сверкая медью труб и амуниции, под звуки бравурного марша проходили ровными рядами эскадроны Орденского кавалерийского полка...

Не было, конечно, на бойцах ни киверов, ни доломанов, но одеты они были аккуратно, чисто выбриты, в седлах держались лихо. Кони были худыми, но ухоженными, подобраны в масть. А вечером в раковине городского сада впервые за многие годы зазвучали вальсы и марши в исполнении армейского духового оркестра.

Обыватели были потрясены: красные бойцы все не походили на «бывших каторжников и дезертиров», какими их изображали базарные слухи, распространяемые шептунами и поднатчиками.

Киквидзе понимал, что война только начинается. Поэтому главное внимание уделял занятиям в поле, причем — что очень важно — не только дневным, но и ночным.

Политотделов и комиссаров в частях тогда еще не было, их заменяли выборные комитеты, которые, по

сути дела, вели всю политическую работу. Они же выполняли, если возникала надобность, и функции военно-революционных трибуналов. Председателем армейского комитета был С. Медведовский, пользовавшийся огромным авторитетом у бойцов и командиров за личную храбрость, ум, доброжелательность и справедливость.

Еремин, по-прежнему часто беседовавший с Киквидзе на правах старого друга по душам, заметил одну новую черту в его поведении. Каждый вечер Киквидзе подходил к одному из старослужащих солдат или унтер-офицеров и вызывал его на долгие воспоминания о сражениях мировой войны.

— Охота тебе слушать эти охотничьи байки? — с недоумением спросил он как-то Киквидзе.

— Чудак, — ответил Васо, — они четыре года воевали, а я четыре месяца.

Киквидзе, сам получивший образование на медные деньги, остро переживал, что многие бойцы малограмотны, плохо разбираются в политике, никогда в жизни не видели театрального представления. Он отдал специальный приказ, чтобы для бойцов устраивались лекции и доклады на разные темы, бесплатно раздавались петроградские, московские и местные газеты, организовывались выступления артистов и даже спортивные состязания, в том числе скачки с препятствиями на призы.

Внешне Киквидзе выглядел много старше своих двадцати трех лет, казался суровым, даже грозным, но, в сущности, оставался удивительно непосредственным и романтичным человеком. Эти его качества своеобразно отражались даже в отдаваемых им приказах — выразительных и немного с нынешней точки зрения наивных.

Приказ № 3

советским войскам 4-й армии

27 апреля 1918 года.

Город Тамбов

Ввиду предстоящей демонстрации в честь общего пролетарского праздника 1 Мая приказываю командирам частей и отрядов производить ежедневные строевые занятия, дабы показать, что и Красная Армия может дать строевые ряды бойцов за идею. Музыкальной команде изучить «Интернационал», а драгунскому эскадрону выделить песенников и изучить народно-революционные песни.

30-го сего апреля в 14 часов командирам частей выстроить свои части для репетиции на казарменном плацу у деревянных конюшен. Пехоте иметь на правом фланге музыкантов, артиллеристы должны быть в пешем строю, эскадрон — в конном. Пехота должна быть без шпор, шашек и револьверов.

Предписываю командирам частей смотреть за тем, чтобы солдаты, увольняемые в город и на станцию, были без оружия.

Подлинно подписал:

Командующий 4-й армией Киквидзе.

Первомайский праздник прошел организованно и весело. Сам Василий Исидорович с делегацией бойцов — один командир и два красноармейца от каждого подразделения — и с духовым оркестром побывал на вечере у рабочих пороховых заводов на станции Кандауровка. Когда начались танцы под оркестр, Киквидзе долго крепился, потом не выдержал и, сбросив неизменную кожанку, ворвался в круг. Командарм танцевал лезгинку: с гиканьем, выкриками

«Асса!», лихими прыжками на колени... Танцевал самозабвенно, до полного изнеможения, словно предчувствуя, что танцует в последний раз в жизни...

В начале мая Киквидзе был срочно вызван в Москву для доклада о положении в войсках. В столице он пробыл всего одни сутки.

В ту пору отряды, пришедшие на территорию РСФСР с Украины, распускались. Из бойцов и командиров заново формировались полки и дивизии Красной Армии. Киквидзе в Москве доложил, что возглавляемые им отряды фактически уже представляют сплоченное и дисциплинированное соединение, которое после пополнения людьми и должного материального обеспечения может быть сохранено как вполне боеспособная воинская единица. Поверить в такое очень уж оптимистичное заявление было, конечно, трудно.

...Как-то в поле, по обеим сторонам дороги, соединяющей город со станцией, шли обычные тактические учения. Стоял жаркий, по-настоящему летний день. На небе — ни облачка. Неожиданно со стороны станции показался весь окутанный клубами пыли легковой автомобиль. Подпрыгнув на ухабе, машина встала у ближней цепи бойцов. Из нее вышли Киквидзе и незнакомый красноармейцам человек лет тридцати пяти, высокий, в полувоенном костюме и фуражке. Продолговатое лицо с большим лбом, мягкие черты лица, бородка клинышком. Взгляд — внимательный... Киквидзе громко скомандовал: «Отряд, смирно!» — и, повернувшись к незнакомцу, доложил, что бойцы ведут тактические занятия на местности.

Это был прибывший из Москвы народный комиссар по военным делам и председатель Высшей военной инспекции Николай Ильич Подвойский. Три дня наркомвоен проводил, придирчиво и тщательно, ин-

спекционные тактические занятия с выходом в поле днем и ночью при участии всех родов войск. И не сделал ни одного замечания ни по единому поводу. Боевая подготовка красноармейцев, уровень знаний командиров, их высокий моральный дух произвели на него самое хорошее впечатление. Особенно поразило Николая Ильича, что все бойцы по утрам организованно занимались физзарядкой. Этот незначительный, казалось, факт в ту пору красноречивее иных других говорил о дисциплине в соединении, серьезном отношении бойцов к своему воинскому долгу. А ведь армия еще строилась на добровольческих принципах, декрет об обязательном наборе в РККА только будет принят ВЦИК.

— Поздравляю вас, товарищ Киквидзе! — сказал в конце третьего дня Подвойский. — Ваше заявление, сделанное в Москве, Высшая военная инспекция подтверждает полностью и безоговорочно. О расформировании такого отряда не может быть и речи.

Киквидзе слушал и не верил собственным ушам. Отряд останется в прежнем составе! Боевые друзья, ставшие ему дороже братьев, те, кого сроднила пролитая за общее народное дело кровь, сохранят свой сплоченный строй и впредь! Теперь он мог признаться самому себе, что больше всего на свете опасался расформирования. Значит, его заботы, труд тысяч бойцов и командиров, их ратные заслуги признаны и оценены.

Словно не замечая глубокого волнения Киквидзе, Подвойский продолжал:

— Командование решило создать на базе вашего отряда первую дивизию внеочередного формирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

Стиснув в огромной ладони серую кавказскую

папаху, Киквидзе вскочил со стула и радостно гаркнул:

— Готов служить в родной дивизии на любой должности, за честь сочту встать в строй рядовым красноармейцем!

Подвойский улыбнулся:

— Почему рядовым красноармейцем? Вы назначаетесь начальником дивизии. Товарищ Медведовский будет вашим помощником, товарищ Зелинский — начальником штаба. Давайте-ка пригласим их сюда и вместе подумаем о кандидатах на другие командные должности.

16 мая день выдался словно по заказу: солнечный, теплый, безоблачный. Нежно-зеленая листва, еще не обожженная летним зноем, чуть слышно шелестела под легкими порывами ласкового ветерка.

Полковой городок ожил уже ранним утром. Давно отвыкшие от столь мирных занятий, бойцы дежурного взвода старательно подметали лужайки и дорожки, не пропуская ни одного окурка или клочка бумажки, драили с песком (мыла не было и в помине) дощатые полы в казармах, протирали влажной ветошью стекла окон. Даже вплели в зеленые кроны деревьев кумачовые ленты и флажки.

Привели в порядок и полковой манеж — здесь после завершения официального церемониала должны были показать свое мастерство вольтижировки и рубки лучшие кавалеристы отряда. Не забыли подновить и сцену для выступления приглашенных и самодеятельных артистов. Посреди плаца установили длинный стол, в обычное время предназначенный для чистки оружия. В половине десятого в парк пришел Киквидзе, все осмотрел, остался всем доволен и приказал трубачу играть сигнал общего построения.

Бойцы — тщательно выбритые, в починенном и

выглаженном обмундировании — выстроились на плацу по частям и подразделениям. Замерли на флангах знаменосцы и ассистенты с шашками наголо.

Киквидзе обошел полки, поздоровался с красноармейцами. В воротах показался Подвойский. Прозвучала команда «Смирно!». Киквидзе строевым шагом вышел навстречу народному комиссару, отдал рапорт. Подвойский поздоровался с бойцами. В ответ разнеслось дружное «Ура!». Оркестр грянул «Интернационал». Поздравив бойцов с образованием дивизии, нарком обратился к ним с речью.

— Если раньше, — сказал он, — принимали присягу царю, на угнетение рабочего класса, то красная присяга принимается на верность рабочему классу, на верность его правительству для защиты пролетарской революции, для раскрепощения рабочего класса, на уничтожение врагов революции.

Снова прозвучала команда «Смирно!». Знаменосцы вынесли перед строем дивизии знамя. Бойцы, нарком, начдив обнажили головы.

Торжественно и сурово зазвучали слова присяги. Вслед за наркомом великую клятву верности народу повторяли тысячи бойцов и их боевые командиры: Киквидзе, Медведовский, Чайковский, Эрбо, Карпухин.

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской Армии.

Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью...

Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского правительства...

Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьян-

ского правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

И снова раскатилось по лесу тысячеголосое «Ура-а-а!».

Через четыре года С. Медведовский вспомнит этот торжественный день: «16 мая в присутствии Подвойского тогдашний состав дивизии поклялся защищать дело Октябрьской революции. Дивизия сдержала свое слово. В историю гражданской войны она вписала много славных боевых страниц.

Не все остались в живых из тех героев, которые были свидетелями этого памятного исторического дня дивизии. Многие из них геройски пали за лучшую долю трудового народа. А кого судьба помиловала и оставила в живых, те вернулись в свою деревню, на свой завод и фабрику».

Повлажневшими вдруг глазами обвел Васо Киквидзе строй. На миг встретился взглядом с Кириллом Ереминым. Никому из тысяч стоявших в этот час в этом строю людей не дано было ведать, что только он, Кирилл Еремин, единственный из всех пройдет в рядах киквидзевской дивизии ее славный боевой путь.

Формирование дивизии продолжалось усиленными темпами и после принятия присяги. К этому времени по распоряжению В. А. Антонова-Овсеенко в Тамбов с Украины прибыл большой отряд пехоты. Он влился в дивизию Киквидзе. Новая часть получила наименование 1-го Рабоче-Крестьянского полка

Юго-Западного фронта. Командиром полка был назначен бывший прапорщик большевик Иосиф Чайковский, отличившийся при захвате Бердичева.

Подвойский побывал в полку, а также в других новых формированиях. По этому поводу 22 мая 1918 года он телеграфировал В. И. Ленину:

«В субботу, 18 утром, на смотре войск Тамбовского гарнизона и во время полевого учения я имел возможность оценить организаторский талант бывшего командующего IV армией, несомненно большого организатора со славным боевым отрядом т. Киквидзе, представившего вновь сформированный им полк пехоты, легкую батарею, пулеметную команду и эскадрон кавалерии, поразившие военных специалистов мужественным видом, хорошей подготовкой, налаженностью обучения и обещающие развиться в грозную мощную воинскую единицу...

Воины и т. Киквидзе... просили меня передать Совнаркому, товарищу Ленину, что в их рядах не скроется ни хулиган, ни трус, ни мародер, ни лодырь. Солдаты поклялись побеждать или умирать».

Сильным, хорошо вооруженным соединением вошла в состав РККА 1-я дивизия внеочередного формирования. К концу мая 1918 года в дивизию входили следующие части и подразделения: общей численностью свыше 4500 человек: 1-й Рабоче-Крестьянский полк, 2-й Интернациональный. Его образовали добровольцы, главным образом из числа бывших военнопленных. Орденский кавалерийский полк был в основном сформирован из конников бывшего Ровенского отряда. В районе Тамбова квартировал с трудом пробившийся с Румынского фронта 6-й Заамурский кавалерийский полк, сохранивший исправный конский состав и полное вооружение. Заамурцы сами обратились к Киквидзе с просьбой принять их в дивизию.

зию. Киквидзе охотно согласился. Кроме этих четырех полков в дивизии имелись две легкие батареи, одна конная батарея Михаила Волосатова, одна тяжелая батарея на железнодорожных платформах Поддубного, два бронепоезда и автобронепоезд Ермоленко. Были также созданы и укомплектованы медсанчасть, все прочие специальные команды и службы.

Дивизия была готова к боям.

После одного из них Н. И. Подвойский, прикипевший к дивизии сердцем, пришлет на имя В. И. Киквидзе телеграмму: «Вверенная вам дивизия, которую я с гордостью называю своей дивизией, оказалась в бою выше, чем на учении в Тамбове, когда мне удалось отметить хорошую работу дивизии... Теперь с великой радостью отмечаю, что я не ошибся. Вы исполнили то, в чем поклялись республике... Вы сказали: умрем или будем побеждать. Вы... победили. Слава вам — наша гордость... Вперед, дивизия тов. Киквидзе, все вперед и никогда назад!»

Жаркое лето

Внешне он ничем не выдавал себя, был, как всегда, подтянут, до синевы выбрит, только держался, может, чуть строже, чем раньше. Старые бойцы восприняли это как должное: одно слово — начдив! Новички же иным командира и не видели. Но близкие друзья, в первую очередь Медведовский и Еремин, чувствовали: с Киквидзе что-то происходит, плохо у него на душе. Так оно и было. Две вести тяжело легли на сердце Киквидзе: об оккупации Грузии немцами и гибели Григория Разживина.

Так уж трудно началось это лето, лето восемна-

дцатого года. Зловещие события накатывались одно за другим. Разгоралась гражданская война внутри страны, ширилась прямая интервенция и немцев, и вчерашних союзников России — держав Антанты. «Правда» писала в эти дни: «Снова, как в Октябре, рабочая революция мобилизует свои силы. К оружию, товарищи рабочие! К оружию, братья пролетарии деревни! Контрреволюция и голод идут на нас войной. Немецкий генерал Эйхгорн подал руку русскому генералу Скоропадскому, а Скоропадский подал руку казачьему генералу Краснову. И три генерала, поддерживаемые германским штыком, восстанавливают на всем юге — от Каменец-Подольска до Царицына, от Прута и до Волги — старый буржуазно-самодержавный строй...»

Можно было бы добавить — и в Закавказье... С марта семнадцатого года Васо не имел из дому почти никаких вестей. С сентября связь с Грузией вообще прекратилась. О том, что происходит на родине, он мог судить только по отрывочным, зачастую противоречивым сообщениям газет. Да и те в боевой обстановке попадали ему в руки весьма нерегулярно. В Тамбове, правда, он наверстал упущенное и с горечью понял, что родина его стала объектом бесчестной политической игры грузинских меньшевиков и экспансионистских устремлений империалистических держав.

После захвата австро-германскими войсками Украины и Крыма, а турецкими Карса, Ардагана и Батума началось наступление на Грузию с севера и юга. В мае грузинское меньшевистское правительство подписало с Германией два кабальных договора. В начале июня в Поти высадилось до 10 тысяч немецких солдат. Через день они уже маршировали по Тифлису. Солдаты кайзера захватывали один за другим го-

рода, железнодорожные узлы, важные стратегические пункты: Гори, Сингнахи, Акбулахи, Самтредия, Ново-Сенаки, Очамчиры, Кутаис... Немцы в Кутаисе! Топают коваными сапогами по Гимназической, флагируют по городскому саду, любят на Риони... В это было невозможно поверить.

И это во имя якобы независимости Грузии! От кого? Киквидзе не мог тогда знать ленинских слов, что «эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман,— на самом деле есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян...».

Он не читал эти точные ленинские слова, но на собственном опыте знал, что несут поднявшимся за свободу народам немецкие интервенты. А потому и не сомневался, что призвать на помощь солдат кайзера могло только антинародное, контрреволюционное правительство предателей, во всем подобное петлюровской раде на Украине.

О трагических событиях на родине Киквидзе узнал в бронепоезде, который мчал его из Тамбова в Царицын.

Белоказачья Донская армия новоиспеченного атамана Краснова начала наступление против Советской власти. Крупные силы белоказачков были нацелены на Царицын. Другой удар Краснов намеревался нанести в районе Поворина.

4 июня 1-я дивизия внеочередного формирования получила приказ срочно грузиться в эшелоны и следовать в Царицын в распоряжение штаба Северо-Кавказского военного округа. Первый состав с войсками подошел к городу на Волге 12 июня, а накануне Киквидзе получил телеграмму, что белоказаки захватили станцию Урюпино и Алексиково и находятся в трех

верстах от Поворина. Орденский полк и тылы со всем снабжением оказались отрезанными от дивизии.

Расстроенный Киквидзе отправился в штаб СКВО и здесь получил более чем странное распоряжение. Начальник штаба округа бывший полковник Носович и его сотрудники предписали в 48 часов отбить Урюпино и Алексиково силами примерно всего в 900 человек, поскольку-де противник действует мелкими разрозненными группами, к тому же плохо вооруженными. Остальные части Киквидзе должен был рассредоточить.

Васо не мог знать, что в штабе СКВО существует белогвардейский заговор во главе с Носовичем, который через несколько месяцев перебежит к белым. Но то, что рассредоточить дивизию ни в коем случае нельзя, это он понимал отлично. Так, по его мнению, мог поступить лишь дурак или сумасшедший. Носович и его помощники не походили ни на дураков, ни на сумасшедших. Что же тогда? Мысли об их предательстве в тот момент Киквидзе не допускал. В его дивизии тоже служили бывшие офицеры, все они доказали свою преданность революции на деле, он им верил. Почему же он должен был поставить под сомнение лояльность военспецов из штаба округа?

И все-таки распоряжения штаба СКВО Киквидзе не выполнил, за что впоследствии был обвинен в «партизанщине». Принял свое решение: сил не распылять, действовать одним мощным кулаком из района станции Филоново.

Повезло немного: кружным путем, через телефонную станцию в Балашове Еремину удалось установить связь с Медведевским, который следовал в эшелоне орденцев. Обрадованный Киквидзе договорился со своим заместителем о совместных действиях с двух сторон.

В трехдневном бою за Урюпинскую действовали все четыре полка дивизии, поддержанные артиллерийскими батареями. Предусмотрительность Киквидзе спасла дивизию: вопреки утверждению штаба СКВО, в этом районе находились не разрозненные, чуть ли не безоружные банды противника, а шесть белоказачьих полков.

В ходе боя большая группа пехоты и артиллерии под командованием Медведовского оказалась в окружении. Киквидзе сам бросился к ним на выручку во главе эскадрона Ястржембовского. Кольцо окружения было прорублено.

Ночью, оставшись один, Киквидзе плакал. Беззвучно, горестно покачивая головой, сам не сознавая, что по синим, жестким щекам скатываются слезы... Четыреста двенадцать бойцов потеряла дивизия за три дня. Сколько матерей лишились своих сыновей, сколько жен стали вдовами, детей сиротами. Киквидзе считали при жизни бессмертным, о его храбрости и бесстрашии складывали легенды и песни. А он, суровый и грозный, на вид горный орел, а не человек, так и не смог примириться с тем, что на войне люди гибнут. Об этом никто не знал, только однажды Еремин случайно застал ночью плачущего начдива и тихонько, на цыпочках, вышел, пока тот не заметил.

Отбросив войска противника от линии железной дороги, Киквидзе, верный своему принципу «сжатого кулака», снова сосредоточил дивизию в одном месте, на этот раз в Поворине. Был план — привести войска в порядок и снова наступать на Алексиково.

Беда свалилась негаданно, откуда ее не ждали никак. В полдень 17 июня надсадно и тревожно загудел зуммер телефонного аппарата. Вызывал Балашов. Киквидзе поднял трубку. Сквозь треск и шум на линии к нему прорвался знакомый голос Разживина.

Не поздоровавшись, Григорий даже не заговорил — закричал, перекрывая помехи:

— Васо! Измена! В Тамбове мятеж! Бандиты убивают коммунистов! Нужна помощь...

Ошеломленный Киквидзе медленно опустил трубку на рычаг. Это был его последний разговор со старым другом, бывшим председателем ВРК Юго-Западного фронта.

Киквидзе очень хотел и дальше служить рядом с Григорием, которого уважал и ценил чрезвычайно. Но вышло иначе. Неожиданно для всех Разживин получил назначение на Алтай, губернским военным комиссаром. Перед отъездом в Сибирь он направился в Балашов, чтобы попрощаться с дивизией, многих бойцов и командиров которой он справедливо считал своими боевыми товарищами. Здесь, в Балашове, он узнал о контрреволюционном восстании Тамбовского гарнизона и бросился к прямому проводу, чтобы немедленно связаться с Киквидзе. И подписал тем самым себе смертный приговор.

Белоглазый тихоня телефонист на Балашовском узле связи, через которого шел разговор, едва Разживин вышел из комнаты, кинулся за ним следом, с филерской хваткой «сел на хвост». Потом тайный агент местной кулацкой банды поспешил по ведомому ему одному адресу, доложил обо всем, что услышал. Не суждено было, знать, Разживину увидеть высокое алтайское небо и яркие сибирские звезды... Его подстерегли возле дома, по-воровски оглоушили из-за угла, вывезли связанного за город, там растерзали...

Снова загудел зуммер — на сей раз с Киквидзе связался председатель Саратовского губисполкома старый большевик В. П. Антонов-Саратовский. Тоже

просил оказать Тамбову немедленную помощь. А тут еще телеграмма — от рабочих порохового завода Кандауровки (их гостем не раз бывал Киквидзе в период формирования соединения): «В Тамбове Советская власть пала. Москве угрожает опасность. Спасайте нас».

— Что делать будем?

Медведовский пожал плечами. Рассудительно посоветовал:

— Для начала свяжись с Москвой или хотя бы со штабом округа. Доложи...

Совет был правильный, да только воспользоваться им Киквидзе не сумел. Ни с Москвой, ни с Царицыном связи уже не было. Решение нужно было принимать самому и нести за него всю полноту ответственности. Причем немедля: события в Тамбове и впрямь являли опасность для Москвы.

Обсудив ситуацию с Медведовским, начдив решил двинуться на Тамбов по железной дороге со сводным отрядом пехоты и кавалерии общей численностью в тысячу человек. Командование оставшимися частями возложил на Медведовского.

К ночи отряд скрытно погрузился в теплушки и без гудков и удара в станционный колокол тронулся в обратный путь. И все же на другой же день в Тамбове стало известно, что дивизия Киквидзе вот-вот прибудет в город. Это был тот редкий случай, когда утечка военной тайны сыграла добрую роль — среди мятежников началась паника.

Организаторами тамбовского заговора были военрук губвоенкомата бывший царский генерал Богданович, командир 1-го Тамбовского полка Окнинский и его помощник Таурин. Бывшие офицеры и кулаки давно вели в полку агитацию против Советской власти и сумели привлечь на свою сторону часть мало-сознательных красноармейцев.

Недолго упивались властью господ офицеры, не успели даже золотые погоны на живую нитку прихватить к гимнастеркам. Весть, что дивизия Киквидзе не разбита в первом же бою, а возвращается в Тамбов, отрезвила многих рядовых мятежников. Опомнившись, они ужаснулись содеянному. Немногие тамбовские большевики, оставшиеся на свободе, не укрылись в подполье — пошли к обманутым бойцам, убедительно разъясняли, что их подло спровоцировали контрреволюционеры, поднявшие оружие против трудового народа. Вняв голосу разума, красноармейцы-тамбовцы сами освободили из тюрьмы арестованных, обезоружили своих командиров, изменивших народной власти. Когда эшелон Киквидзе прибыл в Тамбов и бойцы, рассыпавшись цепью, с винтовками наперевес медленно двинулись к центру города, мятеж был фактически уже ликвидирован. Окнинский успел бежать, но генерал Богданович, Таурин и некоторые другие активные контрреволюционеры были схвачены и расстреляны.

На следующий день по приказу Киквидзе были собраны все бойцы и командиры Тамбовского полка. Василий Исидорович был краток и резок. Речь свою закончил такими словами:

— Часть своей вины вы искупили, но далеко не полностью. Далеко! Как с вами должна поступить Советская власть?

Из рядов послышались крики:

— Кровью искупим вину! Умоляем — возьмите нас на фронт!

Киквидзе надолго задумался. Солдаты притихли в ожидании его решения. Наконец начдив негромко произнес:

— Хорошо, я согласен взять в свою дивизию тех, кто хочет на фронте искупить свою вину. Не подведе-

те меня, если я возбужу ходатайство перед губисполкомом?

Над плацем пронеслось радостное «Ура!», возгласы «Не подведем!», «Клянемся!».

Тамбовский губисполком дал согласие на включение полка в дивизию. Для укрепления личного состава в него были влиты испытанные в боях красноармейцы других частей.

Данную на митинге клятву полк сдержал. За боевые заслуги на фронтах гражданской войны полк, переименованный позднее в 137-й Тамбовский стрелковый, был награжден Почетным революционным Красным знаменем и орденом Красного Знамени.

Так появился в дивизии новый, уже пятый полк. Всего она теперь насчитывала 6276 человек.

За те дни, что Киквидзе находился в Тамбове и дороге, оставшиеся под командованием Медведовского части провели ряд удачных боев и очистили от белоказачьих войск важный участок железной дороги Поворино — Арчеда. Так завершился первый период боевых действий дивизии.

В начале июля Краснов стал готовиться к новому наступлению. Пополнялась и дивизия Киквидзе. В нее влились 3-й стрелковый полк и 1-й революционный Титовско-Донской, сформированный на основе Титовского красногвардейского отряда. Этот отряд целиком состоял из шахтеров слободы Титовки и батраков окрестных сел. Руководил им выборный командир Федор Нырненко, сам шахтер, один из самых храбрых людей, которых пришлось когда-либо встречать Киквидзе. Впоследствии Нырненко командовал 1-й бригадой дивизии и сложил свою горячую, светлую голову под Варшавой.

Пришел однажды к Киквидзе матрос — рослый, плечистый, в мятой бескозырке, бушлате, широченных клешах и с огромным гвардейским палахом на боку. В сочетании с моряцкой формой этот гремящий палаш производил забавное впечатление. Матроса сопровождала молодая красивая женщина, вооруженная с ног до головы: при ней были и карабин, и наган, и казачья шашка, и бутылочная граната.

— Ты — Киквидзе, — не столько вопрошая, сколько утверждая, сказал моряк.

— Я, — отозвался Киквидзе.

— Принимай отряд с Америки, — заявил гость.

— С Америки? — недоверчиво удивился Киквидзе.

— Неужто не слышал? — удивился уже морячок. — Американцы мы...

Через пять минут все прояснилось. Конечно, ни к Северной, ни к Южной Америке матрос и его спутница никакого отношения не имели. Америкой почему-то называлась небольшая беднящая деревенька в нескольких верстах от станции Панфилово. После Октября здесь возник красногвардейский отряд, в который вошли поголовно все жители деревни, включая стариков, женщин и подростков. Командиром отряда был единодушно избран приехавший из Петрограда матрос Доценко, участник штурма Зимнего, заместителем избрали... его жену, за неукротимый нрав и отчаянную храбрость прозванную Василисой — по имени героини Отечественной войны 1812 года старостихи Василисы. «Василиса» Доценко в седле сидела как влитая, метко стреляла, рубила с потягом, словно заправский казак.

В коротеньких своих воспоминаниях С. Медведовский особо отмечал: «Необходимо сказать об одной чуть ли не легендарной личности. Мне история не

простила бы, если бы я это пропустил. Это — Доценко, матрос... «Американцы» дрались как львы, в бою принимали участие и женщины и старики. Особенно отличалась жена Доценко, разделявшая с ним боевую жизнь... Белогвардейцы говорили, что Доценко заколдован. Действительно, его не брала ни пуля, ни снаряд. Впоследствии, когда его отряд влился во главе с ним в нашу дивизию, Доценко сделался любимцем всех красноармейцев. В самую тяжелую минуту он появлялся в цепи и выигрывал сражение. Его стихия — бронированный автомобиль. Не прятаться, конечно, в нем, а бросаться в атаку... Доценко был грозой белоказаков всего Хоперского округа. Они без скрежета зубовного не могли слышать его имя.

Ровно через год после появления в наших рядах он погиб».

Доценко стал закадычным другом Киквидзе. Дело в том, что организаторская работа не могла поглотить всю энергию Васо. В нем бурлила горячая, молодая кровь. Не раз он самолично по ночам во главе эскадрона разведчиков, который получил у белых прозвище «эскадрона чертей», уходил в тыл противника, совершал дерзкие, молниеносные налеты на штабы и узлы связи, захватывал «языков». Когда из Тамбова прибыла дивизионная автобронерота, Киквидзе стал совершать такие рейды на броневике вместе с Доценко — постоянным спутником начдива по лихим вылазкам в расположение врага.

...15 июля генерал Краснов повел наступление на станцию Филоново. Белоказаков поддержали банды, действовавшие в тылу красных. Главный удар двух казачьих полков — Вешенского и Краснокутского — принял на себя 1-й Рабоче-Крестьянский полк под командованием самого начдива. Красноармейцы и казаки то и дело сходились врукопашную. Войска на-

столько смешались, что красная артиллерия не могла открыть огонь из опасения поразить своих. На исходе дня красноармейцы, отразив натиск врага, сами перешли в наступление. Киквидзе на броневике вырвался перед атакующей цепью, занял удобную позицию и открыл пулеметный огонь по противнику. Оба красновских полка были разбиты.

Однако до решающего успеха было еще далеко. Противник ввел в бой свежие резервы и повел наступление на Филоново со всех сторон. Дивизия заняла круговую оборону. Казалось, вся земля встала дыбом от непрерывных разрывов снарядов. В строй бойцов встали коноводы, фуражиры, даже полковые музыканты.

В критический момент боя Киквидзе озарила блестящая идея. Он приказал Еремину немедленно связать его с Поддубным — командиром батареи тяжелых орудий, установленных на железнодорожных платформах, а потому способных стрелять только в двух направлениях — куда были направлены стволы пушек.

— Гони свои платформы на паровозный поворотный круг. Понял? — орал в трубку Киквидзе.

Старый артиллерист понял суть остроумного и неожиданного решения начдива. Поставив свои орудия на поворотный круг, он смог открыть прицельный огонь во всех направлениях. Меткой стрельбой (корректировщик занимал очень выгодную позицию на водокачке) артиллеристы быстро поразили батареи противника, пулеметные точки, а затем перенесли огонь на наступающие колонны белоказаков. Понеся огромные потери, враг отступил. На рассвете 16 июля киквидзевцы, приведя себя в порядок, сами перешли в контратаку и взяли станицу Старо-Анненскую.

Успех в этом сражении позволил Василию Киквидзе выполнить одно намерение, которое зрело у него уже две недели. Дело в том, что он, фактически давно не имея ничего общего ни с какими эсерами и полностью разделяя взгляды большевиков по всем вопросам, формально в глазах окружающих продолжал считаться левым эсером. События 6 июля, когда левые эсеры убили германского посла графа Мирбаха, подняли в Москве вооруженный мятеж, попытались учинить расправу с Советским правительством и В. И. Лениным, глубоко потрясли и возмутили Киквидзе. Вот почему сразу после победного боя за Филоново, в котором дивизия и ее начальник еще раз подтвердили свою беспредельную преданность Советской власти, Киквидзе счел своим долгом послать Председателю Совнаркома В. И. Ленину такую телеграмму: «Вверенная мне дивизия просила меня передать тов. Ленину следующее: дивизия, как всегда, готова по первому зову Совета Народных Комиссаров твердо, непоколебимо стать на защиту Совнаркома не только от кадетских банд, но и вообще откуда бы ни угрожала ему опасность. Дивизия ясно сознает, что только Совнарком является настоящим выразителем воли трудящегося народа и только он доведет народное дело до конца.

Да здравствует Мировая Социалистическая революция!

Да здравствует Совнарком!

Начдивизии Киквидзе

21.7.18 года».

Между тем большевистская партия, В. И. Ленин предприняли энергичные меры для крутого поворота в борьбе с белоказаками. 19 июля был создан Военный

совет Северокавказского военного округа, в который вошли И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С. К. Минин. Военсовет взял на себя руководство всеми войсками на юге страны. Для восстановления положения в районе Борисоглебск — Балашов — Камышин — Царицын была послана комиссия Высшей военной инспекции во главе с Н. И. Подвойским. Царицынские чекисты раскрыли и ликвидировали контрреволюционный заговор в штабе СКВО.

Перестраивал свои силы и Краснов. В начале августа 1918 года он тремя колоннами предпринял первое генеральное наступление на Царицын. 11 августа Военный совет издал приказ, суровые строки которого предупреждали о грозной опасности, нависшей над городом:

«Завоеваниям Октябрьской революции грозит смертельная опасность. Чехословаки на востоке, англо-французы на севере и на побережье Каспия, красно-германские банды на юге угрожают низложить Советскую власть, отнять землю у крестьян, раздавить свободный пролетариат и посадить на спину трудящихся буржуазию, помещиков, коннозаводчиков и генералов.

Царицын окружается.

Царицын может пасть».

За красный Царицын

Киквидзе получил новый приказ, он казался обидным и непонятным: в дальнейшем пребывании 1-й дивизии внеочередного формирования советских войск внутри Хоперского округа надобности нет. Поэтому дивизии предписывалось отойти на границу

Донской области с Саратовской губернией и занять оборону семидесятиверстного рубежа по железнодорожной магистрали Балашов — Камышин. Новым местом расположения штаба дивизии была названа слобода Елань.

Старая партизанская привычка мыслить только масштабами и интересами своего отряда мешала не только бойцам, но и многим командирам понять цель отхода, продиктованного задачей всего фронта: удержать оборону вплоть до создания и подхода новых советских войск. Киквидзе и Медведовский необходимость отхода понимали, но и им психологически было тяжело.

Да и сам отход оказался делом не простым. Идти приходилось по районам, где большая часть казачьего населения тогда относилась к Советской власти враждебно, нужно было постоянно быть начеку. Транспорт для передвижения по грунтовым дорогам дивизия не располагала, а имущества набралось много. Всем бойцам и командирам пришлось превратиться в агитаторов, чтобы убедить жителей добровольно дать лошадей и подводы: реквизировать гужевой транспорт у населения Киквидзе запретил категорически, чтобы не будоражить лишний раз людей, не давать козырей вражеской пропаганде.

Отступление осложнялось тем, что белые ни на час не оставляли дивизию в покое. Чтобы прикрыть отход основных сил, Киквидзе оставил в Филонове Интернациональный полк с задачей задержать противника хотя бы на сутки. Бойцы-интернационалисты понесли тяжелые потери, но приказ начдива выполнили. Под градом снарядов они отражали одну за другой бешеные атаки белоказаков. Станция полыхала в сплошном пожарище, густой дым застилал небо. Это горели подожженные самими киквидзевцами эшелон

ны с имуществом, которое не успели вывезти, чтобы оно не досталось врагу. Потом прогремели оглушительные взрывы, от которых, казалось, содрогнулась земля. Это взлетели на воздух вагоны со снарядами, предварительно сцепленные с бронепоездом и тяжелой батареей на железнодорожных платформах. Эвакуировать их было невозможно.

Казачи захватили один из лазаретов — всех раненых и не покинувший их медперсонал постигла страшная участь. Белые подвергли красных бойцов чудовищным пыткам. Изувечив, бросили на дороге умирать в невыразимых мучениях.

Последняя группа стоявших насмерть бойцов-интернационалистов прорвала кольцо окружения и пробилась к своим на исходе дня 29 июля. Рядом с бойцами в этой группе сражался с оружием в руках сам начдив.

Через несколько недель первый комиссар дивизии Леонид Лозовский, сам человек редкой храбрости, тактично упрекнет Киквидзе, заметит, что не дело начальника дивизии идти с маузером в цепи атакующих бойцов или мчаться верхом на лихом Воронке с пашкой в поднятой руке во главе кавалерийского эскадрона. Не примет упрека начдив. Категорически будет отстаивать свое право рисковать собственной жизнью, как рискуют ею ежечасно рядовые бойцы или взводные командиры.

Так полагал в восемнадцатом году не только Василий Киквидзе — большинство советских военачальников, начавших свой путь выборными командирами в первых красногвардейских отрядах. Не знающая предела личная храбрость была в тот период для командира важнее многих иных достоинств. Не проявляя непрестанно бесстрашия в бою, нельзя было завоевать в глазах бойцов права командовать ими, ри-

сковать их жизнью, посылать порою на верную смерть.

Пройдет немного времени, и молодые советские командиры научатся правильно находить свое место в бою, разумно сочетать храбрость и осмотрительность. Но это придет позже. Киквидзе не успеет овладеть этой командирской мудростью, как не успеет сделать многого другого.

О храбрости его, сказочной неуязвимости, необыкновенной находчивости уже ходили на фронте легенды. Порой невероятные и наивные, они, однако, делали святое дело, вселяя в души и сердца бойцов непоколебимую веру в своего начдива, убежденность в победе над врагом.

...Рассказывали на биваках, что привели однажды к Киквидзе на допрос пленного гвардейского ротмистра, по происхождению грузинского князя. При нем была бумага, подписанная самим Красновым и наделявшая ротмистра огромными полномочиями. Князь держался вызывающе, никаких сведений не дал.

— И не надо,— улыбаясь, сказал пленному Киквидзе.— Не хотите говорить, не надо. Обойдемся без вашей помощи. Раздевайтесь...

Князь побледнел. Трясущимися руками расстегнул крючки щеголеватой черкески с серебряными газырями. Решил, видно, что пришел его смертный час — белогвардейцы всегда раздевали пленных перед расстрелом. Но ротмистра оставили в живых, а начдив, облаченный в его роскошную черкеску с блестящими погонами на плечах и Владимиром с мечами на шее, мчался через час на автомобиле в распоряжение белых. Шофер — бесстрашный Доценко, — конечно, тоже был в белогвардейской форме.

Дозоры казаков беспрепятственно пропустили в

расположение крупной части высокопоставленного офицера из ставки самого атамана Всевеликого войска донского. В штабе его почтительно приветствовал пожилой благообразный полковник. Конечно, ротмистр ниже званием, но из ставки!

— Чем могу служить? — спросил начальник штаба.

— Мне поручено передать вам, господин полковник, — вежливо, но в то же время со свойственной офицерам свиты развязностью сказал ротмистр, — что вас ждут сейчас в штабе его превосходительства генерала Краснова... Со всеми бумагами, касающимися подготовки ваших войск к наступлению. Прошу вас незамедлительно выехать в ставку на моем автомобиле.

Волнуясь и оттого много суетясь, полковник записал в портфель пачку документов, карту боевых действий и, проклиная в душе выскочку атамана, последовал за его нагловатым офицером для особых поручений в автомобиль.

Машина миновала дозоры белых и на большой скорости неожиданно свернула на дорогу, ведущую в расположение советских войск. Полковник с тревогой повернулся к ротмистру, открыл было рот, чтобы задать недоуменный вопрос, да так и застыл — в лоб ему смотрел темный зрачок маузера.

— Не волнуйтесь, полковник, — услышал он от своего загадочного спутника, — но я не князь, а начдив Киквидзе.

С этими словами Васо ловко извлек наган из кобуры на поясе полковника и перебросил его на переднее сиденье, к шоферу.

...Рассказывали бойцы, что в одном бою Киквидзе на броневике ворвался в тыл к белым, ведя бешеный огонь из пулемета. Вдруг тяжелая машина попала

задними колесами в не замеченную водителем воронку от разрыва снаряда и намертво застряла в ней. Все попытки шофера вырваться из западни ни к чему не привели — колеса буксовали и только глубже погружались в вязкую осеннюю землю.

Между тем белоказачи со всех сторон окружили броневик. Они не скрывали своего восторга. Еще бы! Знаменитый красный начдив сам попал в их руки, а за его голову обещана атаманом большая награда. Однако из-за укрытий не высывались, ждали, пока в броневике кончатся боеприпасы.

Киквидзе прекратил стрельбу.

— Ленту! — заорал он во весь голос, а сам сделал рукой отрицательный жест.

Боец, его спутник, оказался из понятливых.

— Нету! Патроны вышли! — закричал он в ответ.

Казачи, уже ничего не опасаясь, подошли к броневика вплотную и стали обсуждать, что делать дальше. Кто-то предложил подорвать дверцу броневика гранатой. Киквидзе невольно заволновался. Но тут послышался другой голос:

— Негоже дорогую машину калечить, станичники. Надо лошадей пригнать и вывести броневик к своим, а там уже выкурить из него красных дымом, как пчел из улья.

Это предложение понравилось всем, особенно Киквидзе.

Казачи привязали к броневика веревки, впрягли коней. Машина дернулась раз, другой. Лошади поднатужились, понукаемые руганью и ударами нагаек, рванули сильнее и вытащили броневик из воронки. И тут заговорил до сих пор молчавший пулемет. Киквидзе в упор расстреливал опешивших казаков. Взревел мотор, шофер дал полный газ, и, обрывая построения, машина устремилась к своим.

...Так рассказывали бойцы. А вот чему действительно стал свидетелем Кирилл Еремин.

Начдив отправлялся верхом на Воронке в рекогносцировку, его сопровождали несколько штабных командиров и отделение бойцов. Ехали ложиной, спокойно, знали, что белых здесь быть никак не должно. Внезапно впереди, откуда-то из балки, вынырнуло около сотни вооруженных всадников. Хвосты у лошадей не подрезаны, винтовки торчат из-за правого плеча. Примета верная — казаки!

Что делать? Укрыться нигде, уходить нельзя — с такой дистанции постреляют без промаха. Казаки, однако, не стреляли, сгрудились кучей, видно, не могли разобрать, кого встретили. Командиры и бойцы с тревогой смотрели на Киквидзе, ожидая команды к последнему, отчаянному бою. Но такой команды не последовало. Василий Исидорович поправил шашку, маузер и, бросив: «За мной!», поскакал навстречу казакам. Словно крылья гигантской птицы, развевались за его спиной полы бурки.

Когда до белых оставалось несколько метров, начдив резко остановил коня и властно крикнул:

— Я — Киквидзе! Сдавайте оружие, жизнь гарантирую!

В каком-то ледяном спокойствии замерла за спиной начдива горстка всадников. Рослый, рыжеусый казак, видно командир сотни, не сводя с Киквидзе замороженных глаз, хрипло отдал команду:

— Слазь с коней! Складай оружие!

Покорно, без единого слова, как во сне, казаки медленно спешили. Полетели на землю шашки, карабины, наганы. Тем же властным голосом Киквидзе приказал рыжеусому построить сотню и следовать за ним, ведя лошадей под уздцы. Казаки послушно выполнили и эту команду. Сзади сотни пристроились

настороженные красноармейцы. Так они и проследовали мимо изумленных сторожевых постов прямо на хутор Александровский.

А потом Киквидзе самолично провел с пленными беседу, разъясняя им политику Советской власти и убеждая вступить в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Казаки слушали сначала недоверчиво и угрюмо. Уж очень много предубеждения против большевиков и Советов было вбито офицерами в их чубатые головы. Столетиями приучали их беспрекословно служить самодержавию, а тут такие слова.

— Против кого вы идете, станичники? — спрашивал их Василий Исидорович. — Против трудового народа России? Против рабочих и крестьян?

Казаки переминались, то согласно кивали чубами, то с сомнением кричали. Кто-то наконец осторожно произнес:

— Вроде ты и прав, командир, да боязно...

Тут уж Киквидзе распалился:

— А мне не боязно было к вам ехать? Я ведь знаю, что господа офицеры с нами делают. А вас хоть пальцем кто тронул?!

Киквидзе попал в самую точку. Казакам было хорошо известно, какая участь ожидала пленных советских бойцов.

Почти все станичники решились вступить в Красную Армию. Из них был сформирован эскадрон, которым командовал все тот же рыжеусый казак Ветров. Эскадрон честно служил Советской власти, отличился не в одном бою.

Много лет спустя Еремин встретил Ветрова на ростовской улице. Распили по случаю неожиданного свидания бутылку пенистого цимлянского, поговорили о жизни, вспомнили былое.

— Слушай, — спросил Еремин при расставании, —

какого черта вы не порубали нас тогда, как капусту?

Добродушно улыбаясь, Ветров расправил усы, теперь уже не рыжие, а седые:

— А я и сам не знаю. Когда уже ехали за вами, обезоруженные, опомнились, стыдно стало. Трусом я никогда не был, за германскую три Георгия имел... Потом всю ночь думал, что, видно, сильна красная правда... А что касаясь «черта», — рассмеялся он, — то белоказачки между собой Киквидзе только так и называли.

Пять долгих месяцев держала активную оборону дивизия Киквидзе. Случалось, прогибали ее неимоверными усилиями белые войска, но, сжавшись, словно рессора под тяжестью, она каждый раз отбрасывала противника назад. Начдив нашел свою тактику — внезапными ударами он предвосхищал атаки противника на самых опасных направлениях и быстро отводил свои войска из-под ответного удара. Он понимал, что равномерным распределением сил такого огромного для дивизии рубежа не удержать. Поэтому какая-то часть его войск всегда в движении, какие-то полки, батальоны, эскадроны, «Тигр», «Лейтенант Шмидт» и другие броневики непрерывно перебрасываются туда, где Киквидзе или ждет вражеского наступления, или намеревается ударить сам.

Он знает особенности своих частей, индивидуальные черты характера командиров и умело учитывает их в решениях. Скажем, титовцы — среди них мало опытных солдат, но зато они, воюющие в своих родных местах, необычайно яростны в обороне. Бойцы Рабоче-Крестьянского полка — в основном ветераны еще германской войны. Они отлично владеют военным делом, в бою находчивы и сноровисты, их штыковой удар страшен и всеокрушим. Этот полк Киквидзе приберегает для наступательных действий.

...А за железной завесой редких еще советских дивизий, сдерживающих яростный натиск белогвардейских войск и иностранных захватчиков на востоке и западе, юге и севере, титаническими усилиями партии и народа создавалась регулярная Красная Армия. 2 сентября 1918 года были учреждены Революционный военный совет республики как коллективный орган управления Красной Армией и флотом и должность подчиненного РВС главнокомандующего всеми вооруженными силами.

Одна из первых телеграмм нового главкома И. И. Вацетиса — от 13 сентября 1918 года — прямо касалась соединения В. Киквидзе, его заслуг в сражениях за Царицын: «Передайте начальнику дивизии Киквидзе и частям его дивизии. Революционный военсовет Республики от лица всей страны благодарит их за лихие действия и верит, что доблестные войска этой дивизии сокрушат наглого врага и создадут боевую славу своим революционным знаменам».

11 сентября приказом РВС республики был образован Южный фронт, объединивший советские войска на брянском, курском, воронежском, поворинском, балашово-камышинском участках, части Северо-Кавказского военного округа и Астраханской группы. В октябре войска Южного фронта были сведены в пять армий: 8, 9, 10, 11 и 12-ю. Дивизия В. Киквидзе, получившая по новой единой нумерации наименование 16-й стрелковой, вошла в состав 9-й армии, сформированной из частей поворинского и балашовского направлений. Командармом-9 был назначен Александр Егоров — будущий Маршал Советского Союза.

Несмотря на потери в боях, 16-я стрелковая дивизия непрерывно росла как за счет пополнений, при-

бывающих из армии, так и за счет местного населения.

При отходе на Елань дивизии встретился отряд Куропаткина, созданный из бедных казаков и крестьян одной из станиц. Его объединили с другим отрядом, примерно тогда же примкнувшим к киквидзевцам — Коннолетучим имени Степана Разина, тоже из красных казаков. В результате возникла новая воинская часть — 3-й казачий революционный полк.

На базе партизанского отряда крестьян деревень Семеновки, Мачехи и Тростянки был сформирован еще один пехотный полк — Преображенский.

Однажды к домику, где размещался штаб дивизии, пришел седой как лунь казак лет семидесяти. Старик попросил часового пропустить его до самого «Васидорыча». (Киквидзе не любил, чтобы к нему обращались «товарищ начдив», потому бойцы, а вслед за ними и местные жители называли его чаще «товарищ Киквидзе» или обращались по имени-отчеству. Киквидзе, правда, тоже, обращаясь к кому-либо, чаще всего говорил не «товарищ боец», а свое неподражаемое «душа любезный», которое запомнили на долгие годы.)

Киквидзе случайно в это время вышел на крыльцо и спросил деда, что ему надо. Казак, вытянувшись во фрунт, бодро заявил, что желает вступить добровольцем в Красную Армию.

Киквидзе рассмеялся:

— Ну куда вам служить, папаша. Вы же, наверное, забыли, как оружие в руках держать.

Дед побагровел от обиды, но ничего не сказал, повернулся и ушел. Однако ненадолго. Минут через пятнадцать он вернулся, уже верхом на коне, при карабине и шашке. Воинственно потребовал снова вы-

звать к нему начдива. Когда Киквидзе вышел, старик ядовитым тоном предложил произвести ему «полную инспекцию». Посмеиваясь про себя, Василий Исидорович согласился. Тем временем на улице успела собраться целая толпа любопытствующих, и красноармейцев и местных. Слышались шутки, смех, подзадоривания. Старик держался невозмутимо. Серьезный вид старался сохранить и Киквидзе.

Срезав своей шашкой лозину, он воткнул ее поглубже в землю, сверху водрузил свою шапку.

— А ну, папаша, душа любезный, руби!

Дед развернул коня, отъехал шагов на пятьдесят, выхватил шашку и вихрем помчался к лозе. Сверкнул на солнце клинок — шапка упала на срубок. Все восторженно зашумели:

— Молодец, дед!

Киквидзе тоже был в восторге, но «инспекцию» решил провести до конца, понял, что лучшего агитатора за Красную Армию, чем этот старик, ему не сыскать. С деланной строгостью произнес:

— Так, рубить не разучился. Посмотрим теперь, как стреляешь.

Дед сдернул с головы казачью фуражку с выцветшим от солнца и времени верхом, протянул Киквидзе:

— Бросай!

И снова разогнал коня. Василий Исидорович высоко подбросил фуражку — тут же грянул выстрел. Подняв фуражку, Киквидзе долго цокал языком в изумлении: стреляя навскидку на полном скаку, старый казак пробил ее пулей почти в середине.

Начдив обнял деда, извинился за обиду, поблагодарил за службу и торжественно при всем народе

приказал немедленно зачислить добровольца по его собственной просьбе не куда-нибудь, а в эскадрон разведчиков.

В один из последних теплых дней судьба свела Киквидзе с человеком, о котором до сих пор народ поет песни.

Выйдя как-то из штаба дивизии, Кирилл Еремин увидел статного молодого парня с пышной шевелюрой, выбивающейся из-под фуражки, одетого в черный матросский бушлат. Привязав лошадь к коновязи, парень торопливой скороговоркой спросил Еремина:

— Начдив у себя?— Получив утвердительный ответ, он стремительно проскочил на крыльцо и в дверь. Дежурный по штабу только развел в растерянности руками.

— Ишь какой,— он секунду подбирал подходящее слово,— глазастый!

Действительно, у посетителя были огромные синие глаза, производившие в сочетании с мужественным обликом необычайно сильное впечатление.

Так появился в Елани балтийский матрос Анатолий Железняков, легендарный Железняк, тот самый, что разогнал Учредительное собрание. Анатолий прибыл с группой балтийских матросов и двумя броневиками. Его назначили командиром приданного 16-й дивизии Еланского полка, который держал оборону на стыке с 1-й Особой Украинской бригадой, которой командовал Рудольф Сиверс.

Киквидзе и Железняков быстро стали друзьями. Вместе с третьим храбрецом — Доценко — они любили ворваться на броневиках в расположение белоказаков, разгромить какой-нибудь штаб или узел связи, уничтожить пулеметным огнем вражеский разъезд и, прихватив «языка», вернуться к своим.

Красноармейцы, завидев три броневика, ползущие к фронту, говорили:

— Святая троица в дело собралась! Считать белякам мертвяков.

Однажды Киквидзе, Железняков и Доценко врезались в колонну казачьей конницы и расстреляли ее из пулеметов. Трупы людей и лошадей завалили дорогу. Выбраться назад, казалось, невозможно. Между тем на помощь белым спешили казачьи пластуны. Дело могло бы кончиться худо, если бы не выручила рота китайских добровольцев из Интернационального полка.

Медведовский, человек большого военного опыта и выдержки, любил Киквидзе, но отлично видел его недостатки: самолюбие, порой излишне обостренное, чрезвычайную вспыльчивость в отношениях с вышестоящими начальниками, что иногда превращало пустяковые вопросы в неразрешимые проблемы и давало поводы обвинять начдива в недисциплинированности, склонности к своеволию и неоправданному риску. В свою очередь Киквидзе чрезвычайно уважал и любил своего помощника, с которым к тому же они стали волею военной судьбы кровными побратимами: как-то были ранены одной и той же пулей. Все это дало право Медведовскому после случая, когда интернационалисты чудом спасли Киквидзе, Железнякова и Доценко, наедине поговорить с Васо по душам.

Тот вскочил, гневно закричал о своей обязанности быть примером для бойцов, шумел. Потом неожиданно угомонился, согласился со всеми доводами заместителя и обещал ему впредь не рисковать.

По мере сил Васо старался сдерживать свои порывы и обещание, но однажды все-таки его нарушил.

В бою за деревню Семеновку Киквидзе дважды

ранило — в голову и ногу. Медведовский силой заставил его покинуть позицию, увез в деревню Мачеху, где и уложил в полевой лазарет. Вдруг поступило донесение, что близ хутора Завязинского красновцы прорвались в тыл, захватили батарею и пытаются вывезти ее в свое расположение. Этого Киквидзе стерпеть не мог. Кое-как натянув галифе, не обращая внимания на крики сестры милосердия, пытавшейся ему помешать, он выбежал (так ему казалось, на самом деле допрыгал на одной ноге) на улицу и через минуту уже мчался в открытом автомобиле к хутору. За ним понеслось несколько бойцов из эскадрона «Чертей».

Настигнув белых, Киквидзе открыл по ним огонь из установленного в автомобиле пулемета «Льюис». Казаки в свою очередь атаковали машину. Один из шоферов был убит. Пока его место занимал второй водитель, к автомобилю вплотную подлетел казак и взметнул над головой начдива шашку... Чудом успел увернуться Васо, смертельный удар чудовищной силы обрушился на борт. В тот же миг Киквидзе застрелил казака из маузера.

Батарею удалось отбить.

...Анатолий Железняков был вскоре из дивизии отозван и послан на другую военную работу. Всего на несколько месяцев пережил он друга. Легендарный матрос был смертельно ранен 26 июля 1919 года, команду бронепоездом имени Худякова. Было ему тогда чуть больше двадцати четырех лет.

В широко известной песне есть такие слова:

В степи под Херсоном —
Высокие травы,
В степи под Херсоном — курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк — партизан.

На самом деле Анатолий Железняков похоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище рядом с своими боевыми друзьями Василием Киквидзе и Самуилом Медведовским.

...Как ни пытались белые сбить 16-ю стрелковую с ее рубежа, ничего у них не вышло, хоть и добивались они иногда частичных успехов и наносили ощутимый урон. Случалось даже, что оказывалась дивизия в критическом положении, но все же выстаивала, собиралась с силами и отбрасывала врага на исходные позиции, а то и дальше.

К зиме — студеной, с резкими, порывистыми ветрами, какой давно уже не выдавалось на Дону, — дивизия занимала боевой участок протяженностью до ста километров. Соседом справа была бригада Р. Сиверса, слева — 23-я дивизия Ф. К. Миронова. Каждый полк занимал боевой участок, на котором держал круговую оборону. Подразделения располагались таким образом, что могли вести огонь в любом направлении без риска поразить своих. Два кавалерийских полка находились на флангах, третий — в тылу. Броневики (их число доходило до десяти) Киквидзе держал при штабе.

Естественно, что при такой вынужденной разобщенности полков и ненадежности тогдашних средств связи их командиры были наделены начдивом большими правами и пользовались значительной самостоятельностью. Иначе в тех условиях, на столь протяженном фронте и быть не могло.

Однако нашлись люди, которые истолковали это как проявление «анархии и недисциплинированности». В дивизию потянулись инспекции и комиссии. Выводы были категоричны: 16-я стрелковая беззаветно предана Советской власти, порядок в ней образцовый, боеспособность соединения исключительно

высокая, командир Киквидзе среди бойцов очень популярен, пользуется абсолютным доверием и авторитетом. Это относится и к другим командирам. Еще отмечено было, что в дивизии «получается 8500 экземпляров газет... Читаются лекции... поставлено несколько спектаклей».

Потомки могут быть благодарны этим инспекциям за то, что в итоге появился на свет и сохранился до наших дней документ, неприятно, но удивительно красноречиво и выразительно запечатлевший дух, царивший в дивизии, да и саму атмосферу того далекого времени. Итак, вот что докладывал товарищ Тегелешкин члену Реввоенсовета Южного фронта республики товарищу К. А. Мехоношину:

«21-го ноября 1918 года... был я командирован Вами с Ефремовым и Перчихиным в дивизию Киквидзе. Прибыли на стан. Елань 22-го с. г., но ввиду того, что штаб дивизии находился от станции в 2—3-х верстах, мы попросили автомобиль или что-нибудь, дабы добраться до штаба.

Тов. Киквидзе выслал нам грузовичок, на котором мы доехали до штаба 16-й дивизии, который расположен в одном из зданий ранее помещавшейся школы, здание тесное... По приезде в штаб встретили там находившихся у дел начдива Киквидзе и помощника его тов. Медведовского... они нас познакомили по карте, где располагались действующие части дивизии и позиции, а также и занимаемые соседними частями, как справа, так и слева, между которыми были прорывы порядочные...

После беседы мы попросили, чтобы нас познакомили с первым находящимся в резерве полком конным или частью. Нам и предложили поехать в одну из деревень, расположенных от слободы Елани верстах в 5—7, где находился Заамурский конный полк,

конная батарея и пулеметная команда при нем. По приезде на место расположения полка... нам предложили проехать в штаб полка, который находился в поповском доме.

Командир полка предложил, что красноармейцы желают нас встретить по-военному, т. е. в боевом виде. Мы ответили согласием.

Когда был готов полк, нас известили; мы пошли с помощником начальника дивизии т. Медведовским, где был выстроен полк в походном порядке. При подходе к полку послышалась команда: «Смирно, на краул!» с исполнением хором трубачей «Марсельезы». Командир полка подскакал на лошади с рапортом, с поднятым клинком шашки над головой. Полк был в образцовом виде. Тогда мы приступили к беседе (митингу).

Заамурцы окружили кольцом нас. Помощник начальника тов. Медведовский отрекомендовал нас как представителей Советской власти Российской Социалистической Федеративной Республики. Беседа была на тему международного движения, что хотят империалисты всего мира, революция в Германии, Австрии и т. д. и задачи Красной Армии...

По окончании речи каждого оратора было произнесено громкое «Ура!» под хор трубачей. После всей беседы весь полк в полном составе поклялся на обнаженных шашках отстаивать и защищать революцию трудящихся масс, сражаться до последнего человека. После всего этого вынесли им благодарность за их преданность Советской России. Полк проследовал в полном порядке под хор трубачей, которые исполняли революционный марш. По окончании всего в этот же вечер в дивизии намечался спектакль, т. к. спектакли для красноармейцев устраиваются каждый день в здании большого театра, находящегося в

сл. Елани. Все то собрание, которое находилось в театре, это были красноармейцы Рабоче-Крестьянского полка, которых насчитывалось около 800 человек во главе с командиром полка тов. Чайковским. ...Объясняли: какие задачи преследует Рабоче-Крестьянское правительство, что намереваются сделать международные разбойники — помещики и буржуа. По окончании митинга начдив т. Киквидзе просил от имени всего полка Рабоче-Крестьянского передать приветствие ВЦИК и вождям революции и высказал свою преданность Советской власти трудящихся масс России...»

Далее товарищ Тегелешкин сообщает, что из рассказов красноармейцев можно сделать вывод, что большинство белых солдат идет против «свободной России только по темноте своей, а если не идти, то расправляются расстрелами и тюрьмами, вообще насилием со стороны правительства Всевеликого войска Донского».

Комиссия видела киквидзевцев не только на митингах, но и в сражении. И снова впечатления самые хорошие. Отмечается, в частности, казачий полк под руководством бывшего вахмистра товарища Куропаткина. Этот полк всегда ставился на самом опасном месте, потому что всегда выходил с победой, будь у неприятеля хоть три полка. Отмечался и конный Заамурский полк — «тоже герой революции».

Общий вывод: «Так что вся дивизия показала себя в деле на высоте своего положения преданностью Советской Республике. Красноармейцы шли бойко и бодро, с улыбкой на лицах».

После одного боя — 23 ноября под слободой Александровкой — по просьбе бойцов политотдел фронта послал в Москву телеграмму: «16 дивизия т. Киквидзе просит передать т. Ленину, т. Свердлову свое при-

ветствие и готовность беззаветно бороться до последнего человека за Советскую власть против мировой контрреволюции».

26 ноября 1918 года Центральный Комитет РКП(б) принял постановление о необходимости добиться коренного перелома на Южном фронте. В письме ЦК ко всем армейским коммунистам ставилась задача: «...В ближайшие недели наша армия обязана развернуть наивысшую энергию наступления на всех фронтах, прежде всего на Южном. Этой энергии наступления нельзя достигнуть без соответственной, сосредоточенной, самоотверженной работы всех членов партии на Южном фронте».

ЦК вновь напомнил партии и народу: «Никогда опасность самому существованию Советской республики не была так грозна и близка, как в настоящий момент».

На Южный начали перебрасывать войска с других фронтов и внутренних округов, сюда потянулись эшелоны с орудиями, боеприпасами, продовольствием, обмундированием. ЦК направил на Южный опытных в военном деле коммунистов — для укрепления политорганов частей и соединений.

Предупреждение ЦК было своевременным. Белогвардейцы на Южном фронте активизировали свои действия. В частности, 4 декабря, с рассветом, крупные силы пехоты и конницы генерала Ситникова перешли в решительное наступление на Елань.

16-я стрелковая имени Киквидзе...

Задача, поставленная перед войсками Ситникова, была прежняя: занять Елань и отбросить дивизию Киквидзе с железной дороги Балашов — Камышин.

Но сил для достижения этой цели белые бросили значительно больше, чем когда-либо раньше.

Стояли неслыханные морозы — даже пулеметы отказывали. Выпал глубокий снег, всадники должны были то и дело спешиваться, чтобы протаптывать дорогу.

Семь часов продолжался бой, прежде чем войска Киквидзе остановили белоказаков, обратили их в бегство, а затем и сами перешли в наступление по направлению к хутору Зубрилову. Особенно отличились артиллеристы батареи Михаила Волосатова — их картечь нанесла белой коннице урон огромный. Комиссар дивизии докладывал об этом бое в реввоенсовет армии: «Доблестная революционная 16-я дивизия под личным руководством т. Киквидзе одержала блестящую победу над ударной группой белогвардейцев под начальством генерала Ситникова. Занято Зубрилово, захвачено 5 орудий, 9 пулеметов, большой обоз и много пленных. Противник отступает, бросает раненых».

По всему фронту 9-й армии советские войска добились в эти дни перелома в ходе военных действий, как того и требовали от них Центральный Комитет партии, Владимир Ильич Ленин.

16-я дивизия успешно наступала, ломая яростное сопротивление противника. По замыслу командования ее части должны были получить поддержку бронепоездов со стороны Поворина. Но тут случилось непредвиденное. Армейские саперы не сумели вовремя восстановить железнодорожный мост у станции Касарка, и это привело к тяжелым последствиям. 16-я дивизия не только не дождалась бронепоездов, но вообще оказалась отрезанной от других советских частей. Между тем снаряды, патроны, про-

довольствие и фураж у киквидзевцев были на исходе.

От вражеской разведки отчаянное положение дивизии, особенно ее ударной группы, не укрылось. Белое командование обрушило на 16-ю отборные войска. Расходуя последние снаряды и патроны, киквидзевцы отбивали яростные атаки.

Начдив докладывал новому командарму-9 П. Е. Княгницкому: «13 декабря противник большими силами вновь начал атаки на ударную группу. Бой длился до 24 час. Все атаки нами отбиваются, идут жестокие бои, кругом отрезаны, несем чувствительные потери в людях, каждый день отправляем в Поворино по 200 одних раненых, противник каждый раз несет огромные потери, двигайте поскорее мне на помощь на Бударино левый фланг Миронова или Уральскую дивизию.

Мы будем биться до последнего человека, пришлите патроны и снаряды... в окопах раненые находятся в ужасном положении, перевязочный материал весь вышел, пришлите немедленно летучий санитарный отряд и теплые вещи для раненых...»

Бойцы ударной группы дивизии, оказавшиеся в полном окружении, голодные, экономя последние драгоценные патроны, отбрасывали врага клинками и штыками.

Командный пункт Киквидзе располагался на хуторе Грачевском. Здесь была небольшая церквушка, с колокольни которой начдив вел наблюдение. Когда образовалась некоторая передышка, на колокольню забрался Кирилл Еремин, радостно сообщил, что в доме священника связисты нашли продукты и отправили их раненым, а из остатков вчерашнего поповского обеда сварили чугунок супа. Можно перекусить.

Киквидзе, комиссар Лозовский и командир Рабоче-Крестьянского полка Чайковский спустились вниз, зашли в дом, согревая дыханием озябшие руки и оттирая ими уши.

Повар едва успел разлить черпаком — «разводящим» суп по мискам, как в дом ударил шальной вражеский снаряд. Несколько бойцов и попадья, хозяйка дома, были убиты. Чайковскому оторвало кисть правой руки. Еремина контузило. Киквидзе был ранен в голову и ноги. Санитары извлекли его из-под обломков дома в бессознательном состоянии. Тяжелое ранение получил и Лозовский.

Командование боем принял на себя Иосиф Чайковский, он отказался покинуть строй, попросил только потуже перетянуть ему культю. Так он и переходил от одной группы бойцов к другой, держа искалеченную руку высоко над головой — опустить ее он не мог, так как кровь немедленно пробивала повязку.

Казачи не сумели сломить сопротивление героев и откатились к Урюпинской.

Командарм-9 П. Е. Княгницкий приказал дивизии отойти на линию Александровский — Семеновка, дал ей недели две для отдыха и приведения частей в порядок.

...Наступил новый, 1919 год. Для советских войск на Южном фронте он начался успешно. 4 января перешли в наступление на центральном участке 8-я и 9-я армии. В первый же день наступления части 9-й армии овладели Борисоглебском и, уничтожив здесь крупную группировку противника, устремились к Новохоперску.

10 января по приказу командования перешла в наступление и 16-я дивизия. Ее полки успешно продвигались в направлении Зубрилов — Ярыженская —

Алексиково. Белые отступали, но в районе Преображенской они прорвались в тыл дивизии Миронова. Соседу нужно было помочь.

К вечеру 11 января Тамбовский полк вторично занял хутор Зубрилов и отбросил противника за речку Кордоил. Боем руководил Киквидзе, своим последним боем.

На опаленную сражением землю опустились ранние январские сумерки. Полк расположился на ночлег, выставив сторожевое охранение. Еремин проследил за установкой полевого телефона в избе, предназначенной для начдива, и спросил у Киквидзе, какие будут дальнейшие распоряжения.

— Пока никаких, душа любезный Кириле! — весело ответил Киквидзе.

Он был явно доволен успешным началом наступления и не скрывал этой своей радости.

— Пока никаких, — повторил он. Потом приказал: — Поедешь со мной на рекогносцировку. Вернемся — ужинать будем.

Выехали небольшой группой: Киквидзе, начальник его полевого штаба Григорьев, командир тамбовцев Чистяков, Еремин, как начальник команды связи при начдиве, и три бойца.

Легко цокали копытами по мерзлой, заснеженной земле кони. Ночную тишину изредка лишь нарушали одиночные выстрелы со стороны противника. Ехали молча, только Киквидзе изредка перебрасывался отрывочными фразами с Чистяковым.

— Надо бы поскорее взять Ярыженскую, — донесся до Кирилла голос начдива, — это облегчит положение Миронова.

Когда группа подъехала к мостику на северо-западной окраине Зубрилова, на горке за речкой, возле поворота дороги на хутор Галушкинский, показались

зыбкие на фоне густо-лилового неба силуэты трех всадников. Показались и тут же исчезли. Но успел сухо треснуть одиночный выстрел. Киквидзе рухнул головой на гриву лошади.

Чистяков и Еремин первыми, еще ничего не понимая, подскакали к начдиву.

— Васо! — с ужасом заорал Кирилл. Впервые за год он, мгновенно забыв про субординацию, обратился к Киквидзе так, как обращался к нему на правах старого друга только наедине:— Васо!

Ответа не последовало.

Еремин и Чистяков осторожно сняли начдива с седла, уложили на брошенную кем-то торопливо на землю бурку. На груди Киквидзе расплывалось темное пятно. Глаза были закрыты. Из горла вырывались клекочущие хрипы. Так, на бурке, Киквидзе и перенесли на перевязочный пункт Тамбовского полка.

Осмотрев рану — тринадцатую по счету! — фельдшер только тяжело вздохнул и горестно покачал головой. Пуля вошла начдиву в грудь на палец выше левого соска и вышла сзади под лопаткой. Губы Василия Исидоровича посинели, иногда слабо шевелились, веки подрагивали, но не раскрывались. Чистяков положил голову Киквидзе себе на колени, да так и просидел с полными слез глазами до утра, словно надеясь услышать из запекшихся губ начдива прощальное слово.

В 7 часов 30 минут утра сердце Василия Исидоровича Киквидзе слабо ударило в последний раз и замерло.

Тело перенесли в штаб Тамбовского полка. Во дворе, по-детски всхлипывая и стирая порой с лица слезы, Кирилл Еремин сколачивал гроб.

Приехал Медведовский. Не снимая шинели, толь-

ко бросив в сених шапку, прошел к гробу, сел рядом. Долго смотрел на застывшее, спокойное лицо друга. Последние недели Киквидзе из-за ранения в голову не брился, на щеках и над верхней губой у него успели отрасти темные волосы. Эти непривычные усы и борода неожиданно омолодили его. Обычно суровое выражение лица растаяло, сразу стало заметно, что Киквидзе всего-навсего неполных двадцать четыре года.

Долго сидел безмолвный Медведовский у гроба начдива. Потом вынул из кармана свою фотографию, написал на ней несколько слов и положил у изголовья. Вслед за ним стали подходить другие командиры, один за другим опускали они в гроб фотокарточки и прощальные записки со словами клятвы: до последней капли крови сражаться за победу революции, за власть Советов, как сражался Киквидзе.

С рассветом полки дивизии возобновили наступление. Бойцы шли вперед яростно, горя жаждой мщения за смерть любимого начдива. Белоказики были разбиты наголову и отброшены за Хопер, станция Урюпинская — важнейший опорный пункт красновцев — взята.

Пришла телеграмма из Реввоенсовета республики:

«Ваш вождь Киквидзе, один из лучших солдат Революции, выбыл из строя. Недавно контуженный, он продолжал оставаться на своем посту. На этот раз вражеская пуля попала метко, один из самых грозных врагов красновской контрреволюции выбыл из наших рядов. 16-я дивизия отныне будет именоваться дивизией имени Киквидзе. Отныне дивизия Киквидзе должна знать только один лозунг, один клич: «Беспощадная месть за гибель своего вождя. Смерть красновцам!» Вечная память герою Киквидзе!»

После телеграммы Реввоенсовета бойцам, посуровевшим от горя, зачитали приказ С. Медведовского, временно принявшего на себя командование дивизией:

«Из наших стройных и железных рядов выбит вражеской пулей наш дорогой начальник товарищ Киквидзе, который более тринадцати месяцев бесстрашно и без отдыха сражался на красном фронте за идею освобождения всего поработанного народа. Много раз товарищ Киквидзе смотрел в глаза смерти. Много раз он, сраженный пулей, оставался до последней минуты на своем революционном посту и умер в рядах своей дивизии, как должен умирать истинный революционер... Много говорить, много писать о его деятельности на военном и политическом поприще нам не приходится, ибо почти всем и каждому из нас известна вся его работа, и смерть его служит лучшим доказательством его борьбы за идеалы человечества. Если контрреволюция сразила нашего вождя, то дух его и имя его будут всегда с нами и будут будить в нас силу, бодрость и уверенность в нашей победе...

«Победа или смерть». Вот лозунг нашей дивизии, и мы его выполним до последнего человека в дивизии имени Киквидзе. Будем еще сплоченнее и отомстим за смерть своего любимого вождя товарища Киквидзе... Дивизия имени Киквидзе! Вперед!»

По решению Советского правительства тело В. И. Киквидзе было отправлено в Москву. Для сопровождения гроба и участия в похоронах на Ваганьковском кладбище были выделены по два лучших красноармейца от каждой части и по одному от каждой отдельной команды. Медведовский распорядился, чтобы всем им подобрали обмундирование поновее и почище...

Долго шел до Москвы похоронный поезд, и на каждой станции рабочие, крестьяне, красноармейцы выходили на перрон, чтобы проститься с легендарным красным героем.

...А дивизия пошла дальше. Сначала под командованием Р. П. Эйдемана, а затем и до конца войны С. П. Медведовского она освобождала Новороссийск, громила белополяков, прорывала считавшиеся неприступными сморгонские позиции, громила контрреволюционные банды Антонова.

За победы в гражданской войне дивизия была награждена Почетным революционным Красным знаменем, этих наград удостоены были также ее бригады и полки по отдельности. За успехи в военном строительстве уже в мирное время дивизия в честь вождя мирового пролетариата В. И. Ульянова-Ленина была наименована Ульяновской.

За храбрость и отличия в боях против врагов социалистического Отечества высшей награды республики — ордена Красного Знамени — были удостоены около четырехсот киквидзевцев, в том числе ветераны дивизии командир Тамбовского полка Николай Богданов, командир батареи Петр Карпухин, командир бригады Федор Нырненко, начальник штаба дивизии Борис Шехаев, помощник командира роты связи Кирилл Еремин... Двумя орденами Красного Знамени были награждены начдив С. П. Медведовский, командиры полков Павел Богомоллов и Кузьма Подлас, командир батареи Михаил Волосатов.

И в послевоенные годы 16-я дивизия оставалась одним из лучших соединений Рабоче-Крестьянской Красной Армии, бережно хранившим свои боевые традиции. С гордостью пели на марше красноармейцы-киквидзевцы:

Как ходила в бой дивизия
В легендарные года,
Имя смелое — Киквидзе —
Поднимало города.

Помнят Ровно и Полтава
Наш гремящий марш полков,
По степям шагала слава,
Не щадили мы врагов.

Не забыть, как в Ромоданах
Тайдамаки били в тыл,
Но, шатаясь от раны,
Нас Киквидзе в бой водил.

В первые месяцы Великой Отечественной войны 16-я стрелковая Краснознаменная Ульяновская имени В. И. Киквидзе героически сдерживала под Таллином натиск превосходящих сил гитлеровских войск и обеспечила эвакуацию столицы Советской Эстонии. В жестоких боях киквидзевцы нового поколения стояли насмерть. Почти все они пали смертью храбрых, но до конца выполнили свой воинский долг, не нарушили клятвы верности, которую их отцы впервые принесли у знамени дивизии в незабываемом восемнадцатом году.

Содержание

В тюремной камере	3
Юго-Западный фронт	33
Боевое крещение	47
Ровенский отряд	61
«Я, сын трудового народа...»	75
Жаркое лето	85
За красный Царицын	98
16-я стрелковая имени Киквидзе...	117

Теодор Кириллович Гладков

КЛЯТВА У ЗНАМЕНИ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. И. Стебакова*

Младший редактор *З. У. Устенова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 1270

Сдано в набор 14.03.78. Подписано в печать 08.06.78. А00082.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Журнальная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,6.
Учетно-изд. л. 5,48. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 2634.
Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, 103473, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1978